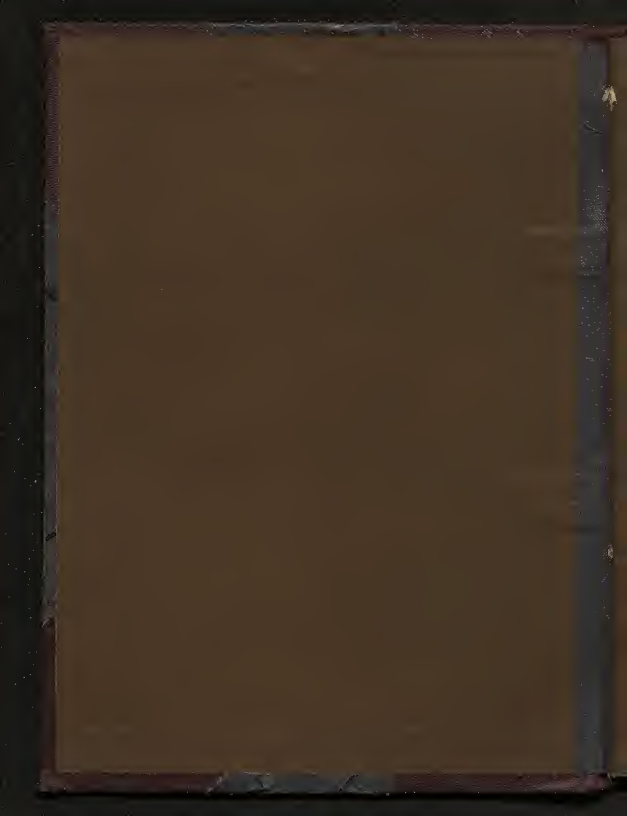
Плехановъ

СТАТЬИ И РѢЧИ

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Г. В. Плехановъ.

СТАТЬИ И РѢЧИ

напечатанныя въ с.-д. газетѣ «ЕДИНСТВО».

Сборникъ № 1.

Цѣна 1 руб.

Книгоиздательство Всер. Соц.-Дем. организаціи „ЕДИНСТВО".
Петроградъ, Владимірскій просп., 19.
1918.

Россійская соціалъ-демократическая партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Г. В. Плехановъ.

СТАТЬИ И РѢЧИ

напечатанныя въ с.-д. газетѣ „Единство“.

Сборникъ № 1.

1экз.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изд. Всероссійской С.-Д. организаціи „Единство“.
1917.

Война народовъ и научный соціализмъ.

Къ моему пріѣзду «Правда» напечатала справку, на которую полезно будетъ обратить вниманіе читателей «Единства».

Въ этой замѣткѣ сказано, что уже съ самаго начала войны я призывалъ русскій пролетаріатъ всѣми силами поддерживать даже царское правительство въ его войнѣ съ правительствами центральныхъ державъ.

Сотрудникъ «Правды» говоритъ здѣсь большую неправду

Я никогда не призывалъ русскій пролетаріатъ поддерживать царское правительство въ *его* войнѣ съ правительствами Австріи и Германіи.

Съ самаго начала войны (см. мою брошюру «О войнѣ») я утверждалъ, что она есть дѣло народовъ, а не правительствъ. Русскому народу угрожала опасность подпасть подъ экономическое иго нѣмецкихъ имперіалистовъ, къ сожалѣнію, поддержанныхъ огромнымъ большинствомъ трудящагося населенія Германіи. Поэтому, ведя войну, онъ защищалъ свой собственный, самый насущный интересъ. Что касается правительства, то я доказывалъ, что отстаивать этотъ интересъ оно

не можетъ да и не хочетъ по естественной симпатіи своей къ германскому полуабсолютизму. И я прибавлялъ, что именно эта его неспособность и нежеланіе отстаивать насущный интересъ русскаго народа приведетъ къ его гибели.

Гдѣ же тутъ призывъ къ поддержкѣ царскаго правительства? Зачѣмъ говорить неправду, да еще въ органѣ, неосторожно назвавшемъ себя «Правдой?»

Далѣе авторъ «справки» напоминаетъ мнѣ мое выступленіе на цюрихскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1893 года. Онъ приводитъ резолюцію, предложенную голландской делегаціей и приглашавшую международный пролетаріатъ отвѣчать на объявленіе войны стачкою и отказомъ отъ военной службы.

Послѣ этого онъ сообщаетъ: «противъ голландской резолюціи особенно выступалъ Плехановъ, поддерживавшій нѣмецкую резолюцію, которая предлагала бороться не съ войной а съ капитализмомъ, раздѣлившимъ человѣчества на два враждебныхъ лагеря».

Я былъ докладчикомъ военной комиссіи и, хотя не обнаружилъ «ярости»,—ярость проявилъ въ своихъ нападеніяхъ на меня и на всѣхъ моихъ единомышленниковъ: Вильгельма Либкнехта, Виктора Адлера, Элеонору Марксъ-Эвелингъ и др. голландскій анархо-синдикалистъ Домела Ньювенгайсъ—но я въ самомъ дѣлѣ рѣшительно выступилъ противъ голландской резолюціи, которая, по моему мнѣнію, совершенно не соотвѣтствовала точкѣ зрѣнія соціалъ-демократическаго пролетаріата И это мое выступленіе сочувственно поддержано было не только названными выше видными представителями международной соціалъ-демократіи, но также пріѣхавшимъ тогда въ Цюрихъ Фр. Энгельсомъ, бывшимъ, какъ извѣстно, однимъ изъ двухъ основателей научнаго соціализма.

Мнѣ очень пріятно вспомнить объ этомъ. И если сотрудникъ «Правды» думаетъ сконфузить меня этимъ воспоминаніемъ, если онъ видитъ какое-нибудь противорѣчіе между тѣмъ, что

я говорилъ въ то время и тѣмъ, что я говорю теперь, то онъ очень ошибается,—никакого противорѣчія нѣтъ.

По вопросу о войнѣ я стою теперь на той самой точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ во время цюрихскаго международнаго съѣзда. Разница лишь въ томъ, что благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ, я спорю теперь не съ Домелой Ньювенгайсомъ, а съ редакціей «Правды», которая цѣликомъ усвоила себѣ его анархо-синдикалистскіе взгляды.

Авторъ «справки» продолжаетъ: «онъ (т. е. я, Г. П.) бросилъ французамъ упрекъ въ томъ, что они явились на конгрессъ, питая въ душѣ національную ревность и національную ненависть. У нѣмцевъ же, по мнѣнію Плеханова, не было ни капли шовинизма, ихъ надо благодарить за борьбу съ русскимъ царизмомъ».

Авторъ «справки» разсказываетъ здѣсь о томъ, чего онъ не знаетъ или чего не хочетъ сообщить читателямъ «Правды».

Во время цюрихскаго международнаго съѣзда французская рабочая партія,—партія гэдистовъ,—занята была выборами и потому не могла послать на него своихъ делегатовъ. Французы были представлены на съѣздѣ преимущественно анархистами и полуанархистами. Что въ ихъ отношеніи къ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи было много шовинизма,—это не подлежитъ сомнѣнію. Неоспоримо и то, что тогдашніе «нѣмцы», руководимые Вильг. Либкнехтомъ, Бебелемъ, Зингеромъ и имъ подобными, упрека въ шовинизмѣ никакъ не заслуживали. Шовинизмъ проникъ въ ряды германской соціалъ-демократической партіи лишь впослѣдствіи, подъ флагомъ ревизіонизма. Само собою разумѣется, что къ ревизіонистамъ я отношусь совсѣмъ не такъ, какъ относился къ Вильгельму Либкнехту или къ Августу Бебелю. Но, вѣдь, нельзя же требовать отъ меня, чтобы я уподобился тому дурню въ русской народной сказкѣ, который и на похоронахъ и на свадьбѣ затягивалъ одну и ту же пѣсню. Съ самаго начала

войны» у насъ оказалось много охотниковъ на роль этого дурня; я не изъ ихъ числа.

Наконецъ, авторъ справки сообщаетъ, что въ своемъ крайнемъ увлеченіи нѣмцами я объявилъ слѣдующее: «если бы нѣмецкіе войска перешли нашу границу, то они пришли бы, какъ освободители, подобно тому какъ 100 лѣтъ тому назадъ французы національнаго конвента пришли въ Германію, чтобы, побѣдивъ государей, дать народу свободу».

Я дѣйствительно говорилъ это, но подъ нѣмецкими войсками я понималъ, германскую соціалъ-демократическую армію, которая, покончивъ съ Гогенцоллернами и съ другими нѣмецкими государями, двинулась бы противъ Романовыхъ, чтобы обезпечить свой тылъ отъ возможнаго нападенія съ ихъ стороны. Если бы это предположеніе осуществилось въ теченіе настоящей войны, то я повторилъ бы то же самое. Но теперь произошло нѣчто прямо противоположное. Русская армія покончила съ Романовыми и воюетъ съ войсками Гогенцоллерновъ. Нѣмцамъ остается вести себя по отношенію къ ней такъ же, какъ вели они себя по отношенію къ войскамъ французскаго конвента. Если они этого не дѣлаютъ, то единственно потому, что теперь они являются не революціонерами, а имперіалистами и шовинистами. Я въ этомъ не виноватъ. Вообще господа, видящіе противорѣчіе между нынѣшними моими отношеніями къ войнѣ и моими выступленіями на Цюрихскомъ международномъ съѣздѣ 1893 г., не имѣютъ объ этомъ съѣздѣ ни малѣйшаго понятія. Они воображаютъ, будто въ 1893 г. я говорилъ то самое, что они говорятъ теперь. На самомъ дѣлѣ то, что они говорятъ теперь говорилъ тогда голландскій анархо-синдикалистъ Домела Ньевенгайсъ, между тѣмъ какъ я оспаривалъ его въ качествѣ докладчика военной компссіи. Мой взглядъ на войну привелъ въ такое негодованіе Ньевенгайса и всѣхъ присутствовавшихъ на съѣздѣ анархистовъ и полуанархистовъ, что они устроили шумъ и скандалъ. Д. Ньевенгайсъ провозгласилъ, что я разсуждаю какъ Бисмаркъ. Изъ этого слѣ-

дуетъ, что зоркій глазъ анархо-синдикалистовъ и тогда уже способенъ былъ открыть во мнѣ ту склонность къ имперіализму, въ которой обвиняютъ меня нынѣшніе наши интернаціоналисты.

(Единство № 5, отъ 5 апр. 1917.).

Реакціонные происки.

Въ газетѣ «День» отъ 5-го марта напечатано слѣдующее извѣстіе:

Въ Тираспольѣ раскрыта попытка со стороны темныхъ силъ устроить погромъ.

Съ этой цѣлью на чердакѣ одного дома инсценировано ритуальное убійство, по городу же расклеены листки, призывающіе къ погрому.

Въ связи съ этимъ мѣстнымъ Совѣтомъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ произведенъ рядъ арестовъ лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, въ числѣ которыхъ—два члена, казначей городской управы, бывшій исправникъ и теперешній начальникъ милиціи Сергѣевъ. Въ квартирѣ послѣдняго обнаруженъ складъ оружія, бомбъ и патроновъ.

Та же газета сообщаетъ, что на-дняхъ прибылъ въ Васильковъ летучій боевой отрядъ комитета депутатовъ войскъ Кіевскаго гарнизона въ составѣ 25 вооруженныхъ солдатъ.

Прибытіе отряда вызвало переполохъ среди черносотенцевъ, распускавшихъ среди темныхъ слоевъ населенія самые возмутительные слухи и натравлявшихъ народъ на евреевъ.

Арестовано нѣсколько лицъ. Порядокъ въ городѣ возстановленъ.

Что мѣстные совѣты и летучіе боевые отряды арестуютъ лицъ, подготовляющихъ избіеніе евреевъ, это, разумѣется, очень хорошо. Арестуя ихъ, они исполняютъ свою гражданскую обязанность. Но арестомъ громилъ дѣло не кончается,

а только начинается. Теперь съ ними должно быть поступлено по всей строгости законовъ. Необходимо примѣрное наказаніе. Нужно, чтобы всѣ тѣ, которые собираются играть на старой струнѣ взаимной національной розни, на опытѣ убѣдились въ томъ, что отнынѣ ихъ происки будутъ встрѣчать строжайшій отпоръ.

Нужно, чтобы евреи убѣдились, что въ освобожденной Россіи они будутъ жить подъ неусыпной охраной закона.

Мы увѣрены, что гражданинъ Керенскій приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры для того, чтобы ускорить слѣдствіе по указаннымъ дѣламъ.

(«Единство» № 6, отъ 6 апр. 1917 г.).

Новыя жертвы германскаго имперіализма.

Телеграфъ принесъ намъ страшное извѣстіе. 31 марта англійскій пароходъ «Зара», на которомъ возвращалось въ свободную Россію много политическихъ эмигрантовъ, былъ потопленъ германской подводной лодкой.

Неизвѣстно, сколько именно русскихъ изгнанниковъ сдѣлалось жертвой морского разбоя. Такъ, мы еще не знаемъ, удалось ли спастись Н. Д. Авксентьеву. Но то, что мы знаемъ, достаточно печально. Погибли Янсонъ и Карповичъ.

Если я не ошибаюсь, Янсонъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, входилъ въ составъ заграничнаго Центральнаго комитета латышской соціалъ-демократической партіи. Это былъ опытный, энергичный и чрезвычайно сознательный партійный работникъ.

Что касается Карповича, то никакого сомнѣнія насчетъ его личности быть не можетъ: это всѣмъ извѣстный шлиссельбуржецъ Карповичъ. Кто имѣлъ случай лично познакомиться съ нимъ, тотъ не могъ не питать къ нему глубокаго уваженія даже расходясь съ нимъ во взглядахъ.

Отъ имени редакціи «Единства» я выражаю латышской соціалъ-демократической партіи, равно какъ и русской партіи соціалистовъ-революціонеровъ, искреннѣйшее сочувствіе по поводу понесенныхъ ими тяжелыхъ потерь.

Говорятъ, что, узнавъ о гибели эмигрантовъ, Вѣра Николаевна Фигнеръ сказала: «Теперь нашимъ изгнанникамъ есть только два пути для возвращенія въ Россію: черезъ Германію или черезъ смерть». Карповичъ и Янсонъ попытались проѣхать на родину черезъ смерть. Иначе и поступить не могли эти люди чести.

Вѣчная память жертвамъ, вѣчный позоръ палачамъ!

P. S. Замѣтка эта была уже написана, когда намъ сообщили радостную вѣсть о томъ, что одинъ изъ основателей группы «Освобожденіе Труда» Левъ Дейчъ, тоже черезъ смерть пробиравшійся въ освобожденную Россію, благополучно добрался до Бергена вмѣстѣ со своей женою. Добро пожаловать, старый товарищъ!

(«Единство») № 7, отъ 7 апр. 1917 г.).

Товарищи этому надо положить конецъ.

Погромныя попытки продолжаются. Въ «Рѣчи», отъ 7 апрѣля, отмѣчаются такія попытки въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Васильковѣ, въ мѣстечкѣ Брусиловѣ (Кіевской губерніи), а также въ Бессарабіи. «Изъ села Пересѣчина евреи бѣжали, терроризированные бандой агитаторовъ, во главѣ съ нѣкіимъ Левицкимъ, вымогающимъ деньги подъ угрозой погромовъ и призывающимъ бороться противъ новаго строя». Наконецъ, въ Кишиневѣ арестованы погромные агитаторы Терсшатовъ и Чумаченко.

Мы увѣрены, что наше Временное Правительство приметъ всѣ законныя мѣры для прекращенія погромной агитаціи. Но позволительно потребовать, чтобы его мѣропріятія поддержаны были усиліями сознательныхъ гражданъ. Русскій пролетаріатъ дол-

женъ взять на себя починъ организованной агитаціи противъ погромщиковъ. Какой именно видъ приметъ такая агитація, это, конечно, опредѣлится мѣстными условіями. Въ деревенскія мѣстности, угрожаемыя погромами, слѣдуетъ немедленно отправить летучіе отряды агитаторовъ, чтобы разъяснить крестьянамъ, какъ сильно вредятъ происки погромщиковъ дѣлу русской свободы, а, слѣдовательно, и дѣлу самого крестьянства. Очень возможно, что не всѣ мѣстныя пролетарскія организаціи обладаютъ нужными для этого средствами. Въ такомъ случаѣ, онѣ должны быть немедленно поддержаны организаціями крупныхъ центровъ. Какъ бы тамъ ни было, нельзя медлить ни минуты. Мы обязаны сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы тотчасъ же положить конецъ гнуснымъ попыткамъ дѣятелей черной сотни.

(«Единство» № 8, отъ 8 апр. 1917 г.).

Французская делегація и русскій анархо-синдикализмъ.

«Правда» (№ 26) атаковала находящуюся теперь въ Петроградѣ французскую соціалистическую делегацію, какъ говорится, по всей линіи.

Она увѣряетъ, что «Кашэнъ и его друзья принадлежатъ къ числу самыхъ ревностныхъ защитниковъ своего правительства».

По своему несчастному обыкновенію, «Правда» говоритъ неправду. Кашэнъ и его друзья принадлежатъ къ числу самыхъ ревностныхъ защитниковъ своей страны, атакованной германскими имперіалистами. Въ интересахъ этой защиты они нашли нужнымъ заключить временный союзъ со всѣми республиканскими партіями. Нужно обладать поистинѣ безпредѣльною наивностью, — или правдивостью «Правды», — чтобы на этомъ основаніи утверждать, будто Кашэнъ и его друзья поддерживаютъ правительство. Они поддерживали и поддерживаютъ инте-

ресы трудящагося населенія Франціи. Если въ пониманіи этихъ интересовъ они расходятся съ «Правдой», то это зло не столь большой руки, ибо никто не скажетъ, что въ названномъ органѣ пишутъ глубокомысленные Платоны и быстрые разумомъ Невтоны.

«Это—тѣ люди,—продолжаетъ« Правда»,—которые всѣми средствами душатъ свою оппозицію, соціалистовъ-интернаціоналистовъ».

Тутъ опять неправда, впрочемъ, объясняющаяся и отчасти извиняемая тѣмъ, что «Правда» судитъ по себѣ, т. е. по привычкамъ той фракціи, органомъ которой она является.

Когда наши большевики составляли большинство въ нашей партіи, они всѣми средствами душили свою оппозицію — меньшевиковъ. Объ этомъ, навѣрно, появится современемъ не мало интересныхъ воспоминаній въ «Русской Старинѣ» или въ «Голосѣ минувшаго». Однако, не слѣдуетъ валить съ больной головы на здоровую. Привычки нашихъ большевиковъ всегда были чужды обѣимъ фракціямъ французской соціалистической партіи.

Меньшинство не только не подвергалось въ ней угнетенію со стороны большинства, но, напротивъ, могло позволять себѣ временами такія нарушенія дисциплины, которыя врядъ-ли были бы терпимы въ другихъ соціалистическихъ партіяхъ Западной Европы. Это извѣстно всѣмъ, кто хоть немного знакомъ съ современнымъ западно-европейскимъ соціалистическимъ движеніемъ.

Это еще не все. «Правда» увѣряетъ, что «ихъ другъ, Густавъ Эрвэ, напечаталъ въ своей газетѣ «Побѣда» статью подъ заглавіемъ: «да здравствуетъ царь!»

Это опять неправда. Дѣйствительно, Г. Эрве напечаталъ въ своей газетѣ, называвшейся тогда не «Побѣдой», а «Соціальной войной»—статью: «Да здравствуетъ царь». Но французское соціалистическое большинство тутъ не при чемъ. Г. Эрве никогда не былъ «ихъ другомъ». До начала нынѣшней войны

онъ проповѣдывалъ приблизительно тотъ самый взглядъ на военный вопросъ, который теперь такъ задорно и такъ неумѣло отстаиваетъ «Правда». Покойный Бебель сказалъ, что за пропаганду такого взгляда Эрвэ навѣрно былъ бы исключенъ изъ германской партіи. Но именно потому, что, вопреки неправдивому утвержденію «Правды», во французской партіи меньшинство не подвергалось угнетенію со стороны большинства, французскій анархо-синдикалистъ могъ спокойно заниматься своей пропагандой до тѣхъ поръ, пока ему это не надоѣло. Это опять-таки извѣстно всѣмъ, кто хоть немного знакомъ съ внутренней жизнью современнаго французскаго соціализма.

Когда началось нынѣшнее международное столкновеніе и когда Г. Эрвэ снялъ свои истоптанные сапоги, заботливо подобранные Ленинымъ, французскій анархо-синдикалистъ все-таки не сдѣлался «ихъ другомъ», т. е. другомъ французскаго соціалистическаго большинства.

Какъ это почти всегда бываетъ съ анархо-синдикалистами, приходящими въ разсудокъ, онъ вдругъ взялъ такую правую ноту, что привелъ «ихъ» въ ужасъ, и «они» даже собирались судить его партійнымъ судомъ. Это, конечно, совсѣмъ не испугало Г. Эрвэ, который превосходно знаетъ, какъ мало во французской партіи меньшинство подвергается угнетенію со стороны большинства. Нынѣшнее поведеніе Эрвэ будетъ обсуждаться по окончаніи войны. Не лишенный классическаго образованія, онъ спокойно говоритъ себѣ: «На самомъ дѣлѣ это значитъ, что судъ надо мной состоится ad calendas graecas», т. е. никогда. Говоритъ, посмѣивается и... ведетъ свою политическую линію, совсѣмъ не совпадающую съ политической линіей большинства французской соціалистической партіи.

Учить «Правду» приличіямъ, къ сожалѣнію, такъ же безполезно, какъ и увѣрять ее въ томъ, что не хорошо искажать истину. Я не люблю терять время на столь безплодныя занятія. Скажу только, что наши французскіе гости

очень ошибутся, если подумають, будто всѣ русскіе соціалисты относятся къ нимъ такъ же, какъ отнеслось къ нимъ группирующееся вокругъ «Правды» меньшинство нѣсколько дней тому назадъ въ лицѣ своего вождя Ленина, поставившее себя внѣ интернаціонала.

Грубая выходка «Правды» тѣмъ и объясняется, что русскій пролетаріатъ встрѣтилъ нашихъ французскихъ гостей не такъ, какъ этого хотѣлось бы неправдивому органу Ленина.

(«Единство» № 8, отъ 8 апр. 1917 г.).

Къ русскимъ учителямъ.

Предсѣдателю всероссійскаго съѣзда учителей.

Гражданинъ предсѣдатель! Къ моему крайнему сожалѣнію, состояніе здоровья не позволяетъ мнѣ, сегодня утромъ, явиться на вашъ съѣздъ. Поэтому я вынужденъ обратиться къ его участникамъ, чрезъ ваше посредство, съ нижеслѣдующими строками.

Прежде всего я хочу поблагодарить ихъ за привѣтствіе, которымъ они меня почтили. Затѣмъ, я позволю себѣ выразить имъ тѣ ожиданія, которыя возлагаются теперь не только мною, но, конечно, и всей Россіей на учителей— этихъ истинныхъ просвѣтителей молодого поколѣнія, этихъ сѣятелей знанія на ниву народную.

Нашъ старый порядокъ страшно стѣснялъ просвѣтительную дѣятельность учителей. Теперь онъ низвергнутъ. И теперь передъ ними открывается широкая арена свободнаго и въ высшей степени благороднаго труда. Всякій, кому дороги судьбы Родины, отъ всей души пожелаетъ имъ успѣха.

Россіи нужно наверстать то, что она, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, упустила по части просвѣщенія. Кромѣ того, война, навязанная намъ Германіей, обременяетъ нашу Родину огромнымъ долгомъ. Чтобы она могла нести тяжелое бремя этого долга, ей необходимо до высокой степени развить свои производительныя силы. Но просвѣщеніе составляетъ одно изъ самыхъ необходимыхъ условій развитія производительныхъ силъ всякой страны. Это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ значеніе учительской дѣятельности. Наконецъ, нашему народу нужно просвѣщеніе для того, чтобы онъ могъ разумно пользоваться завоеванной политической свободой. По всему этому освобожденная Россія не можетъ не видѣть въ васъ, просвѣтителяхъ русской земли, одного изъ важнѣйшихъ факторовъ своего будущаго экономическаго и политическаго благосостоянія.

Вы входите въ составъ нашей интеллигенціи, являясь одной изъ важнѣйшихъ составныхъ частей этого общественнаго слоя. Вы должны способствовать выработкѣ правильнаго общественнаго мнѣнія. Направляйте его на тотъ путь, по которому мы придемъ, во-первыхъ, къ упроченію нашей побѣды надъ внутреннимъ врагомъ, во-вторыхъ, къ побѣдѣ надъ внѣшнимъ.

Первая побѣда непремѣнно должна быть дополнена второю. Если бы мы потерпѣли окончательное пораженіе въ борьбѣ съ Германіей, то намъ скоро пришлось бы разстаться съ завоеванной нами свободой, а съ нами, пожалуй, и союзнымъ намъ демократическимъ странамъ.

Это, какъ видно, уже политика, а не педагогія. Но правильный ходъ педагогическихъ занятій немыслимъ безъ наличности извѣстныхъ общественныхъ условій. Вы сами хорошо знаете это, по опыту прошлаго.

Глубокосочувствующій вашей дѣятельности *Г. Плехановъ*.

(«Единство» № 14 отъ 15 апр. 1917 г.).

Желѣзнодорожники и революція.

Нѣсколько словъ къ товарищамъ, собравшимся на Всероссійскую желѣзнодорожную конференцію.

Дорогіе и уважаемые товарищи.

Рѣзкій переходъ отъ благословеннаго климата Италіи къ плохому климату Петрограда причинилъ мнѣ легкую простуду, лишающую меня возможности выходить изъ дома. Это тѣмъ болѣе досадно для меня, что мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы лично привѣтствовать васъ и отъ всей души пожелать вамъ успѣха въ вашей дальнѣйшей дѣятельности на пользу родной страны.

Желѣзныя дороги составляютъ кровеносную систему всякаго цивилизованнаго государства. Все, что разстраиваетъ эту систему, нарушаетъ его здоровье, а иногда и прямо грозитъ ему смертью, сообенно въ такое критическое время, какъ то, которое мы теперь переживаемъ.

Этимъ опредѣляется огромное значеніе вашей работы для всей Россіи. Я увѣренъ, что вы никогда не упустите этого изъ виду, что вы сумѣете критически отнестись къ сѣятелямъ смуты, откуда бы они ни приходили. Смута принесла бы гибель нашей только-что народившейся свободѣ. Мы всѣ должны, организуя свои собственныя силы, дружно сплотиться вокругъ нашего Временнаго Правительства, программа котораго широко и ярко выражаетъ ближайшіе и самые насущные интересы всей демократической Россіи.

Я знаю, разумѣется, что Временное Правительство не есть Правительство какого-нибудь одного общественнаго класса. Но не меня, давно уже стоящаго на точкѣ зрѣнія пролетаріата, можетъ смутить это обстоятельство. Не слѣдуетъ и вамъ смущаться этимъ. *Въ томъ-то и заключается великое счастье русскаго пролетаріата нашихъ дней, что его классовой интересъ совпадаетъ теперь въ борьбѣ за новый*

строй съ интересами всѣхъ тѣхъ слоевъ населенія, которые хотятъ разъ навсегда покончить съ пережитками стараго порядка.

Разъ понявъ это, онъ долженъ выдвигать теперь впередъ не то, что разъединяетъ его съ этими слоями, а то, что объединяетъ его съ ними. Его политика должна быть не политикой кружка или кружковъ, пропитанныхъ духомъ секты, а политикой класса, глубоко и широко сознавшаго свое великое призваніе. Держась такой политики, онъ сдѣлается освободителемъ по преимуществу, онъ пріобрѣтетъ симпатіи всего населенія Россіи, кромѣ рыцарей кнута, палки и національной измѣны.

Это сдѣлаетъ его непобѣдимымъ и дастъ ему возможность прочно обезпечить свой классовой интересъ, не менѣе прочно обезпечивая въ то же самое время независимость, благосостояніе и счастье всей Россіи.

Съ горячимъ товарищескимъ привѣтомъ вашъ *Георгій Плехановъ.*

(«Единство» № 16, отъ 17 апр. 1917 г.).

Всемірный праздникъ наемнаго труда.

День перваго мая всегда былъ праздникомъ пролетаріевъ всего міра *). И это, разумѣется, нисколько не удивительно. Въ этотъ день каждый сознательный рабочій, въ каждой цивилизованной странѣ особенно живо чувствовалъ себя членомъ великой международной семьи такихъ же, какъ онъ, сознательныхъ тружениковъ, объединенныхъ стремленіемъ къ одной конечной цѣли. Это чувство такъ возвышало его надъ прозой обыденной житейской суеты, оно наполняло его сердце такою благородной гордостью и въ то же время

*) Я говорю собственно о времени съ 1889 г. до начала нынѣшней войны.

такою широкой человѣчностью, что являлось источникомъ самаго праздничнаго настроенія. И, если со временемъ историкъ захочетъ выяснить, въ чемъ заключалась самая важная психологическая черта нынѣшней исторической эпохи, то онъ непремѣнно долженъ будетъ остановиться на торжественномъ праздничномъ настроеніи, овладѣвавшемъ наемными тружениками всѣхъ странъ въ день перваго мая. Ничего подобнаго этой психологической чертѣ не знали предшествовавшія историческія эпохи.

Эксплуатація одного класса другимъ существуетъ съ той отдаленной поры, когда въ обществѣ возникло раздѣленіе на классы. Блестящая цивилизація древнихъ грековъ и римлянъ, которой много и много обязаны новѣйшіе народы, цѣликомъ основывалась на рабскомъ трудѣ. Въ средніе вѣка постепенно установился крѣпостническій способъ производства. Какъ древніе рабы, такъ и средневѣковые крѣпостные нерѣдко съ оружіемъ въ рукахъ возставали противъ своихъ господъ.

Но въ этихъ возстаніяхъ было крайне мало сознательности. Ихъ кругозоръ былъ такъ узокъ, что въ его предѣлы не могла бы вмѣститься великая мысль объ освободительномъ движеніи эксплуатируемыхъ всѣхъ странъ. Да и не могла она возникнуть при тогдашнихъ экономическихъ отношеніяхъ. Только новѣйшій историческій періодъ, характеризующійся возникновеніемъ капиталистическаго способа производства, создалъ матеріальныя условія, необходимыя для быстраго развитія самосознанія рабочаго класса. Только въ теченіе этого періода могъ раздаться знаменитый кличъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» И, когда раздался этотъ кличъ, когда рабочіе передовыхъ странъ отозвались на него вступленіемъ въ ряды основаннаго Марксомъ Интернаціонала, тогда началась новая эпоха въ духовной исторіи человѣчества: прежде понятіе **національности** было самымъ широкимъ изъ тѣхъ понятій, до которыхъ додумывались

люди, постепенно возвышаясь надъ своими частными эгоистическими интересами. Теперь понятіе національности было дополнено еще болѣе широкимъ понятіемъ интернаціональности, т. е. тѣхъ обязанностей, которыя существуютъ у каждаго сознательнаго гражданина каждой цивилизованной страны по отношенію ко всѣмъ другимъ странамъ. Очень ошибаются тѣ, которые воображаютъ, будто, разъ человѣкъ сдѣлался интернаціоналистомъ, у него уже нѣтъ никакихъ національныхъ обязанностей, вслѣдствіе чего, ему должно быть все равно, ведетъ ли его народъ независимое существованіе, или же находится подъ игомъ иностраннаго завоевателя. Если бы это было такъ, то самое слово «Интернаціоналъ» потеряло бы всякое значеніе. Интернаціоналъ въ такой же мѣрѣ предполагаетъ существованіе отдѣльныхъ націй, въ какой всякая данная система международныхъ отношеній предполагаетъ существованіе отдѣльныхъ народовъ. Интернаціоналистъ не тотъ, кто вырвалъ изъ своего сердца всякое національное чувство, а тотъ, кто умѣетъ подчинять это чувство контролю своего разума, возвысившагося до понятія объ интернаціональности.

Человѣкъ, кругозоръ котораго ограничивается понятіемъ національности, охотно поддерживаетъ свой народъ даже тогда, когда тотъ посягаетъ на права другихъ народовъ. Напримѣръ, нарушаетъ ихъ право на независимое существованіе. Девизъ такого человѣка гласитъ: «Права или не права моя страна, она—моя, и я иду съ нею».

Напротивъ, человѣкъ, умѣющій подчинять свое національное чувство контролю высшаго понятія интернаціональности, различаетъ правомѣрныя (въ международномъ смыслѣ) дѣйствія отъ неправомѣрныхъ. Когда его народъ намѣревается подвергнуть угнетенію своего сосѣда или своихъ сосѣдей, онъ не только не поддерживаетъ этого намѣренія, но всѣми силами старается отклонить отъ него своихъ согражданъ. И бываютъ крайніе случаи, когда онъ

идетъ противъ своей собственной страны, если она, не внимая его голосу, упорствуетъ въ своемъ неправомѣрномъ намѣреніи.

Такъ бывало еще до возникновенія Международнаго общества рабочихъ. Вотъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что въ 1863 г., подъ вліяніемъ пропаганды Александра Ивановича Герцена, нѣкоторые русскіе стали въ ряды польскихъ повстанцевъ, пытавшихся добиться независимости для своей родины. Но въ эпоху, предшествовавшую возникновенію Интернаціонала, подобные случаи являлись тѣми исключеніями, которыя только подтверждаютъ собою общее правило. Отвлекаясь отъ этихъ рѣдкихъ исключеній, приходится признать, что все остальное населеніе цивилизованныхъ странъ держалось тогда упомянутаго выше девиза: «права или не права моя страна, она—моя и я иду съ нею». Только съ возникновеніемъ Интернаціонала началось массовое распространеніе международной идеи, все болѣе и болѣе проникавшей въ ряды организованнаго пролетаріата.

Въ 1906 г., состоявшійся въ Лиможѣ съѣздъ французской соціалистической партіи принялъ по вопросу о войнѣ резолюцію, говорившую, что ни одно правительство не можетъ угрожать независимости другого народа, не совершая преступленія противъ этого народа, противъ его рабочаго класса и противъ пролетаріата всѣхъ странъ.

Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ чрезвычайно удачно выразилось сознаніе солидарности интересовъ международнаго пролетаріата въ томъ, что касается борьбы за независимость отдѣльныхъ народовъ.

Не менѣе замѣчательны и тѣ строки лиможской резолюціи, гдѣ сказано, что «народъ и рабочій классъ страны, независимость которой находится въ опасности, непремѣнно должны защищать эту независимость и въ правѣ разсчиты-

вать на помощь рабочаго класса всѣхъ странъ *). Резолюція о войнѣ, принятая въ Лиможѣ французской соціалистической партіей, не осталась, конечно, тайной для соціалистовъ другихъ странъ. Но противъ нея не возражалъ никто изъ соціалистовъ, за исключеніемъ такихъ утопическихъ чудаковъ, какъ Густавъ Эрвэ (первой манеры) и его немногочисленные послѣдователи, принадлежавшіе собственно не къ соціалистамъ, а къ анархо-синдикалистамъ. Лиможская резолюція удачно выразила то соотношеніе между націонализмомъ и интернаціонализмомъ, которое начало устанавливаться въ головахъ передовыхъ представителей международнаго пролетаріата. Это до такой степени такъ, что когда, вскорѣ послѣ Лиможскаго съѣзда, Швеція захотѣла силой оружія покорить отложившуюся отъ нея Норвегію, тогда шведскіе соціалисты пригрозили своему правительству всеобщей стачкой, между тѣмъ, какъ соціалисты Норвегіи объявили себя готовыми съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою страну. Какъ видимъ, и тѣ и другіе дѣйствовали въ духѣ Лиможской резолюціи. И тотъ фактъ, что рабочее населеніе Швеціи выразило готовность дѣйствовать въ духѣ этой резолюціи, представляетъ собою одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ исторіи культуры нашихъ дней. Онъ показываетъ, что организованный рабочій классъ цѣлой страны,—въ данномъ случаѣ Швеціи,—способенъ подняться на ту высоту сознанія, на которой чувство долга по отношенію къ родинѣ контролируется сознаніемъ обязанностей по отношенію къ другимъ странамъ, т. е. ко всему человѣчеству. Какъ же было пролетаріату не гордиться своимъ интернаціоналомъ? Какъ же было ему не считать своимъ праздникомъ день перваго мая, напоминавшій ему объ его международныхъ правахъ и обязанностяхъ?

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей брошюрѣ: „Интернаціонализмъ и защита отечества“.

Однако, начиная съ 1915 года день перваго мая уже не могъ быть источникомъ праздничнаго настроенія для международнаго пролетаріата.

Въ августѣ предшествующаго года партія, считавшаяся авангардомъ всемірнаго пролетаріата и обладавшая самыми сильными профессіональными и политическими организаціями измѣнила дѣлу Интернаціонала, рѣшившись поддерживать завоевательные планы германскихъ юнкеровъ и «капитановъ промышленности», т. е. крупныхъ предпринимателей.

Въ своей международной политикѣ она усвоила себѣ девизъ исключительнаго націонализма: «права или не права моя страна, она—моя, и я иду съ нею». Идеологи высшихъ классовъ полагаютъ, что этой измѣной германская партія нанесла смертельный ударъ международному соціализму. Это, разумѣется невѣрно. Та же сила историческихъ условій, которая толкнула германскій пролетаріатъ въ объятія империалистовъ, поставивъ передъ нимъ соблазнительную перспективу германской монополіи на всемірномъ рынкѣ, принудитъ его опомниться и вернуться подъ старое знамя, между прочимъ, путемъ партійнаго раскола. Но пока что, весь соціалистическій міръ страдаетъ отъ измѣны германскаго пролетаріата и долженъ отвѣчать на нее цѣлесообразными дѣйствіями.

Къ числу такихъ дѣйствій никакъ не можетъ быть отнесена агитація въ пользу прекращенія войны во что бы то ни стало. Немедленное заключеніе мира было бы величайшей услугой тому милитаризму и тому имперіализму, съ которыми хотѣли бы бороться люди, такъ безразсудно кричащіе: Долой войну! Миръ, заключенный при нынѣшнемъ соотношеніи силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, былъ бы не миромъ, а лишь перемиріемъ, въ высшей степени опаснымъ для странъ, подвергшихся въ 1914 году нападенію со стороны Германіи. Онъ далъ бы нѣмецкому милитаризму возможность оживить и заново организовать нужныя силы

для новой попытки осуществленія завоевательныхъ плановъ, А это значитъ, что по своимъ практическимъ послѣдствіямъ кличъ: «долой войну», былъ бы совершенно равносиленъ кличу: «да здравствуетъ германскій милитаризмъ», давно уже ставшій классическимъ образцомъ для всякаго вообще милитаризма.

Для того, чтобы закончить нынѣшнюю войну прочнымъ миромъ, необходимо помириться на такихъ условіяхъ, которыя позволили бы народамъ располагать своей судьбой по своему собственному усмотрѣнію. Но Вильгельмъ и его клевреты пока еще слишкомъ сильны для того, чтобы согласиться на подобныя условія. Только энергичное продолженіе войны союзниками можетъ ихъ къ этому принудить. Вотъ о чемъ слѣдуетъ подумать русскимъ рабочимъ въ день своего ежегоднаго праздника. Международная солидарность великая вещь. Но совсѣмъ не великою и крайне вредной вещью является то неразумное миролюбіе,—совершенно буржуазное по своей природѣ,—которое, спутывая понятія международнаго пролетаріата, мѣшаетъ ему давать рѣшительный вооруженный отпоръ тому, что стоитъ на дорогѣ къ практическому осуществленію международной солидарности.

(«Единство» № 17, отъ 18 апр. 1917 г.).

Наша тактика.

Дорогіе товарищи!

Было время, когда я не могъ принимать личнаго участія въ празднованіи перваго мая русскимъ пролетаріатомъ по причинѣ полицейскаго преслѣдованія. Теперь мнѣ препятствуетъ въ этомъ состояніе моего здоровья. По непосредственному впечатлѣнію, произведенному на меня, это послѣднее препятствіе, пожалуй, досаднѣе перваго. Но въ объективномъ смыслѣ мое недомоганье есть лишь маленькая,

хотя и весьма непріятная для меня, подробность, между тѣмъ, какъ фактъ устраненія полицейскихъ рогатокъ, заграждавшихъ путь русскому рабочему движенію, имѣетъ огромную историческую важность. И мнѣ въ высшей степени пріятно сознавать, что въ вашемъ лицѣ я имѣю дѣло съ товарищами, правильно оцѣнившими значеніе этого факта.

Первымъ словомъ тактики группы «Единство» является напоминаніе русскому пролетаріату о томъ, что ему необходимо, прежде всего, упрочить ту политическую свободу, которую онъ пріобрѣлъ цѣною славной мартовской революціи. Для упроченія этой свободы, онъ долженъ стать во главѣ всѣхъ тѣхъ классовъ и слоевъ населенія, интересы которыхъ были бы нарушены возстановленіемъ стараго порядка.

Въ своихъ политическихъ выступленіяхъ и заявленіяхъ онъ долженъ теперь выдвигать на первый планъ не то, что его разъединяетъ съ этими классами и слоями, а то, что объединяетъ его съ ними. Намъ говорятъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ измѣняетъ своему классовому интересу. Совершенно наоборотъ. Поступая такимъ образомъ, онъ создаетъ политическія учрежденія, при которыхъ ему легче и удобнѣе всего будетъ защищать именно этотъ интересъ.

Въ томъ-то и заключается величіе политической роли, выпавшей теперь на долю русскаго пролетаріата что, совершенно безкорыстно работая для блага всего населенія Россіи,— за исключеніемъ реакціонныхъ его элементовъ,—онъ тѣмъ самымъ работаетъ для своего собственнаго блага.

Кому непонятно это счастливое и плодотворное сочетаніе двухъ указанныхъ интересовъ, тотъ не постигъ смысла текущаго историческаго момента.

Второе слово нашей тактики есть неустанное напоминаніе русскому рабочему классу о томъ, что надъ нашей страной все еще виситъ грозная опасность германскаго завоеванія. Для меня крайне отрадно убѣжденіе въ томъ, что и въ

этомъ случаѣ не нужно доказывать вамъ неоспоримую истинность второго слова нашей тактики. Только неисправимые утописты воображаютъ, будто указанная мною опасность можетъ быть устранена посредствомъ противопоставленія бронированному кулаку германскихъ имперіалистовъ слащавыхъ соображеній о преимуществахъ мира, объ ужасахъ войны и т. под. Обладатели бронированнаго кулака только презрительно смѣются надъ подобными соображеніями. Правда, въ Германіи возникла новая соціалистическая партія, болѣе или менѣе рѣшительно осуждающая войну. Но огромныя и чрезвычайно хорошо организованныя военныя силы германской имперіи находятся, вѣдь, не въ рукахъ этой партіи, а въ рукахъ Вильгельма съ его пособниками,—вплоть до Шейдемана и компаніи. И вы прекрасно знаете, что у молодой русской свободы нѣтъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ германскій императоръ и его многочисленные сообщники. Если бы центральныя имперіи побѣдили насъ и нашихъ союзниковъ, то, не говоря уже о вѣроятности возстановленія нашего стараго порядка, онѣ навязали бы намъ условія, крайне неблагопріятныя для роста нашихъ производительныхъ силъ и тѣмъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ замедлили бы дальнѣйшее численное и культурное развитіе нашего рабочаго класса. А это, въ свою очередь, сильно задержало бы его движеніе къ конечной цѣли, т. е. къ соціализму.

Дѣятельно участвуя въ нынѣшней войнѣ, русскій пролетаріатъ не измѣняетъ своему классовому интересу, а, напротивъ, защищаетъ его съ оружіемъ въ рукахъ.

Кто этого не понимаетъ, тому остается недоступнымъ смыслъ теперешняго историческаго момента.

Будемъ же дружно трудиться надъ выясненіемъ русскимъ рабочимъ смысла нашей тактики.

Такое выясненіе представляетъ собою теперь политическую потребность нашей страны. Разъ сознаетъ рабочій

классъ правильность нашей тактики, все прочее приложится.

Примите же, дорогіе товарищи, мой горячій привѣтъ и мое искреннее пожеланіе успѣха въ вашей работѣ.

Вашъ *Г. В. Плехановъ.* *)

(«Единство» № 18, отъ 20 апр. 1917 г.).

(О правительственномъ кризисѣ 20-21 апрѣля).

Петроградъ, 21-го апрѣля.

Читатель, наблюдавшій событія 20—21-го апрѣля, видитъ, что положеніе создалось критическое въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы вплотную подошли къ гражданской войнѣ.

Если бы въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ преобладало направленіе Ленина, то Совѣтъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, могъ бы и долженъ былъ бы считать этотъ кризисъ желательнымъ и плодотворнымъ, надѣясь, что онъ прямымъ путемъ приведетъ къ низверженію буржуазнаго правительства.

Но въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ до сихъ поръ преобладало другое направленіе, и намъ хочется думать, что въ окончательномъ рѣшеніи, которое онъ приметъ, оно обнаружится во всей своей силѣ.

Совершенно безполезно обсуждать вопросъ о томъ, кѣмъ вызвано нынѣшнее крайне опасное положеніе.

Необходимо найти изъ него выходъ.

Чтобы избѣжать гражданской войны, Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ долженъ войти въ соглашеніе съ Временнымъ Правительствомъ.

Этого требуютъ отъ него интересы всей страны, интересы

*) Обращеніе къ общему собранію членовъ с.-д. группы. „Единство“ въ Петроградѣ.

трудящагося населенія Россіи, интересы славной русской революціи.

Какое же направленіе долженъ избрать онъ, чтобы найти выходъ?

Направленіе это ясно опредѣляется резолюціей о войнѣ, принятой Всероссійскимъ совѣщаніемъ Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Резолюція эта говоритъ, между прочимъ,—и это составляетъ самое важное ея мѣсто—что «пока продолжается война, россійская демократія признаетъ, что крушеніе арміи, ослабленіе ея устойчивости и крѣпости, было бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы».

Далѣе, резолюція «въ цѣляхъ самой энергичной защиты революціонной Россіи отъ всякихъ посягательствъ на нее извнѣ, въ видахъ самаго рѣшительнаго отпора всѣмъ попыткамъ помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ революціи» «призываетъ демократію Россіи мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни для укрѣпленія фронта и тыла».

Эти золотыя слова остались бы словами; они отнынѣ стали бы звучать насмѣшкой надъ русскимъ пролетаріатомъ и надъ всей нашей страной, если бы Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, имѣющій теперь такое большое вліяніе въ Петроградѣ, не сумѣлъ предупредить гражданскую войну, которая, безъ всякаго сомнѣнія, дезорганизовала бы и тылъ и фронтъ и явилась бы страшной угрозой для успѣховъ великой русской революціи.

Мы взываемъ къ революціонному чувству, одушевляющему членовъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, мы вѣримъ въ ихъ здравый смыслъ и ждемъ, что завтра они вынесутъ рѣшеніе, достойное сознательнаго рабочаго класса и способное успокоить страну, которую, навѣрно, глубоко и болѣзненно взволновали вчерашнія петроградскія событія.

(«Единство» № 19, отъ 21 апр. 1917 г.).

Что-же, собственно, должны мы прекратить.

Въ первомъ № только что появившейся газеты г. М. Горькаго «Новая Жизнь» товарищъ І. Гольденбергъ напечаталъ статью озаглавленную: «Пора прекратить», содержащую въ себѣ, между прочимъ, обращеніе по адресу «Единства». Я нахожу полезнымъ отвѣтить на это обращеніе.

Въ статьѣ тов. І. Гольденберга рѣчь идетъ о полемикѣ, завязавшейся между «Правдой» съ одной стороны и «Единствомъ» съ другой. Тов. Гольденбергъ находитъ, что эта полемика вызываетъ дурныя страсти, вслѣдствіе чего ее слѣдуетъ прекратить. Но отъ «Единства» ли зависитъ прекращеніе той полемики, которая не имъ начата? Тов. Гольденбергъ хочетъ быть справедливымъ. Это очень хорошо. Но для того, чтобы быть справедливымъ, всякому человѣку слѣдуетъ почаще обращаться къ своей памяти, безъ помощи которой невозможно уяснить себѣ смыслъ «текущаго момента». Тов. Гольденбергъ, повидимому, не нашелъ нужнымъ сдѣлать это, поэтому онъ упустилъ изъ виду, кѣмъ и чѣмъ вызваны были полемическія статьи, напечатанныя въ «Единствѣ».

На другой же день послѣ моего пріѣзда въ Россію «Правда» привѣтствовала меня стихотвореніемъ, дѣлавшимъ очень мало чести ея литературному вкусу и политическому такту. Прочитавъ это стихотвореніе, я только пожалъ плечами. Но «Правда» не захотѣла оставить меня въ покоѣ. Она помѣстила статью, сообщавшую читателю совершенно ложныя свѣдѣнія о моемъ выступленіи на цюрихскомъ международномъ соціалистическомъ съѣздѣ 1893 г. Тутъ я не могъ молчать, потому что слишкомъ плохо знаетъ русская читающая публика исторію Интернаціонала. Потомъ я вынужденъ былъ написать небольшую статью въ защиту французской соціалистической делегаціи, о которой «Правда» тоже сказала нѣчто, несоотвѣтствовавшее дѣйствительности. Тов. Гольденбергъ самъ долженъ будетъ согласиться, что я не нападалъ, а только защищалъ себя или

своихъ политическихъ единомышленниковъ. «Правдѣ» принадлежалъ почпнъ нашей полемики; отъ «Правды» же зависѣло продолжать ее или прекратить. Она предпочитала продолжать. До такой степени предпочитала, что Ленинъ обрушился на меня по поводу замѣтки, написанной вовсе не мной, причемъ рѣшительно провозгласилъ, что я совсѣмъ не умѣю полемизировать. Я отнюдь не сталъ бы оспаривать это мнѣніе, если бы въ его основѣ не лежала мысль, имѣвшая гораздо большую важность, чѣмъ вопросъ о моемъ полемическомъ талантѣ. Репортеръ «Единства» назвалъ бредомъ первую рѣчь Ленина въ залѣ Государственной Думы на объединительной конференціи с.-д. Ленинъ возразилъ на это, что собраніе ни въ какомъ случаѣ не стало бы слушать бредовую рѣчь. На этомъ его соображеніи и основанъ былъ тотъ выводъ, что я не умѣю полемизировать. Вполнѣ готовый въ каждую данную минуту примириться въ угоду Ленину съ самымъ нелестнымъ мнѣніемъ о моихъ литературныхъ способностяхъ, я, въ интересахъ истины, вынужденъ былъ, однако, напомнить моему противнику, что бываютъ такія бредовыя рѣчи, къ которымъ нельзя относиться иначе, какъ съ очень большимъ и весьма продолжительнымъ вниманіемъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ,—и опять-таки единственно въ интересахъ истины,—я сослался на «Записки сумасшедшаго» Гоголя и на «Палату № 6» Чехова. А такъ какъ въ своей, дѣйствительно «бредовой,» рѣчи Ленинъ затронулъ очень важные политическіе и соціальные вопросы, то я счелъ себя обязаннымъ разобрать его тезисы. Тов. Гольденбергъ тоже разбиралъ ихъ, правда, насколько я знаю, только устно, а не въ печати. И если я не ошибаюсь, то его выводъ относительно этихъ тезисовъ былъ почти такъ же неблагопріятенъ, какъ и мой. Я думаю, что, выступивъ съ ихъ критикой, тов. Гольденбергъ только исполнилъ свою гражданскую обязанность. Смѣю думать также, что и моя гражданская обязанность не позволяла мнѣ хранить молчаніе по ихъ поводу. Въ чемъ же можетъ упрекнуть меня тов. Гольденбергъ? И

что, собственно, слѣдуетъ мнѣ прекратить? Мои выступленія въ роли публициста, позволяющаго себѣ критиковать тѣ мнѣнія, которыя ему не нравятся? Увы! Горбатаго исправитъ только могила. Пока я могу держать перо въ рукѣ, я отъ этихъ выступленій не откажусь. Предъявлять ко мнѣ подобное требованіе, значитъ,—пусть извинитъ меня тов. Гольденбергъ,—обнаруживать вопіющую несправедливость.

Или, можетъ быть, тов. Гольденбергу не нравится тонъ моихъ критическихъ выступленій? По этому поводу я скажу ему, что я пишу теперь свои статьи тѣмъ же самымъ тономъ, какимъ я писалъ ихъ, начиная, скажемъ, съ эпохи «Нашихъ разногласій». Тонъ этотъ вызывалъ много нападокъ съ разныхъ сторонъ. Но мнѣ въ высшей степени пріятно вспомнить, что въ теченіе очень долгаго времени тов. Гольденбергъ находилъ эти нападки смѣшными и безсмысленными. Теперь онъ, повидимому, самъ находитъ мой тонъ непріятнымъ. Это его право. Тутъ я спорить и прекословить не буду. Замѣчу одно. Въ моихъ статьяхъ встрѣчается не мало насмѣшекъ, направленныхъ по адресу моихъ противниковъ. Но я всегда осмѣивалъ только мнѣнія. Никакихъ личныхъ нападокъ я никогда себѣ не позволялъ. Я всегда старался убѣдить себя, что лично мои противники—превосходнѣйшіе люди и что

«Хотя они немножечко дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ».

Къ величайшему моему сожалѣнію случалось нерѣдко, что эти превосходнѣйшіе люди, не умѣя опровергнуть мои взгляды, съ яростью нападали на мою личность. Тѣмъ хуже для нихъ.

Если я говорю о себѣ, то это происходитъ единственно потому, что до сихъ поръ мнѣ чаще, чѣмъ кому-либо изъ моихъ товарищей, приходилось отражать нападенія «Правды».

Я долженъ согласиться, что иногда на столбцахъ нашего органа появлялись статьи, написанныя довольно, а если хотите, и очень рѣзко. Мнѣ и самому кажется, что рѣзкостей

лучше было бы избѣгать: холодная насмѣшка всегда дѣйствуетъ на читателя сильнѣе, чѣмъ рѣзкіе выпады. Но это ужъ дѣло темперамента и литературной привычки. Фактъ тотъ, что даже въ рѣзкихъ статьяхъ, направленныхъ противъ «Правды» сотрудниками «Единства», не было ничего такого, что направлялось бы противъ личности нашихъ противниковъ. И ужъ во всякомъ случаѣ въ нихъ никогда не заключалось никакихъ призывовъ къ погромамъ, какъ съ этимъ соглашается, впрочемъ, и самъ тов. Гольденбергъ. Зачѣмъ понадобилось «Правдѣ» кричать о погромахъ—совершенно непонятно; должно быть, для «красоты слога».

Тов. Гольденбергъ пишетъ: «Неужели же «Единство» не понимаетъ, что линію газеты «Правда» опредѣлялъ и опредѣляетъ Ленинъ, а провокаторы, значащіеся въ спискѣ департамента полиціи, примазывались къ этой линіи, какъ примазались бы они къ линіи «Единства», если бы эта линія волею судебъ оказалась въ одинъ прекрасный день наиболѣе радикальной, наиболѣе лѣвой?»

Я спрошу тов. Гольденберга: кто былъ наиболѣе радикальнымъ и наиболѣе лѣвымъ политическимъ дѣятелемъ — соціалъ-демократъ Вильгельмъ Либкнехтъ или анархистъ-коммунистъ Іоганнъ Мостъ?

Если тов. Гольденбергъ захочетъ серьезно отвѣтить мнѣ, онъ скажетъ, что никакое сравненіе тутъ невозможно, такъ какъ взгляды Либкнехта несоизмѣримы со взглядами Моста. И онъ будетъ правъ.

Но хотя взгляды Либкнехта и были несоизмѣримы со взглядами Моста, однако, это не мѣшало полиціи со своей спеціальной точки зрѣнія опредѣлять ихъ «цѣнность». Она находила Моста гораздо болѣе радикальнымъ и лѣвымъ и потому предпочитала его. Бисмаркъ однажды прямо сказалъ въ парламентѣ: «Мнѣ гораздо болѣе нравится откровенный Мостъ, чѣмъ сдержанный и осторожный Либкнехтъ». Очавидно, на этомъ основаніи полицейскіе агенты желѣзнаго

канцлера несравненно охотнѣе проникали въ кружки послѣдователей откровеннаго Моста, чѣмъ въ ряды сдержаннаго и осторожнаго Либкнехта. Германская полиція не безъ основанія находила, что, дѣйствуя въ средѣ мостіанцевъ, ея провокаторы принесутъ несравненно больше пользы существующему порядку вещей.

Я могъ бы и долѣе продлить эту басню, но, по свойственной мнѣ кротости, я не желаю раздражать гусей...

А въ заключеніе опять спрошу:

— Что же, собственно, должны мы прекратить?

(«Единство» № 19, отъ 21 апр. 1917 г.).

Въ добрый часъ.

Во вчерашнемъ номерѣ «Единства» мы выражали надежду на то, что Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ интересахъ революціи уладитъ острое столкновеніе, возникшее между нимъ и нашимъ Временнымъ Правительствомъ.

Мы счастливы тѣмъ, что наша надежда оправдалась. Соглашеніе достигнуто; Исполнительный Комитетъ въ особомъ воззваніи призываетъ населеніе къ спокойствію. Это очень хорошо. У многихъ сотенъ тысячъ сознательныхъ дѣтей Россіи гора свалится съ плечъ, когда телеграфъ принесетъ имъ радостную вѣсть объ этомъ. Русская пословица говоритъ: «Худой миръ лучше доброй ссоры». Народная мысль, выраженная въ этомъ изреченіи, очень одностороння. Въ дѣйствительности, добрая ссора нерѣдко бываетъ лучше худого мира. Но въ данномъ случаѣ можно повторить съ народомъ: миръ, хотя бы и худой, лучше ссоры, хотя бы и хорошей.

Это тѣмъ болѣе такъ, что тяжелый опытъ, пережитый Петроградомъ 20-го и 21-го апрѣля, несомнѣнно побудитъ обѣ стороны окончательно разъяснить тѣ недоразумѣнія, которыя, можетъ быть, пока еще остались между ними.

Исполнительный Комитетъ говоритъ въ своемъ обращеніи къ народу, что въ настоящее время каждый опрометчивый шагъ можетъ повести за собой огромныя бѣдствія. Это совершенно справедливо. И чѣмъ болѣе справедливо это, тѣмъ болѣе обязаны мы, революціонеры, дорожащіе интересами революціи, старательно избѣгать всякаго опрометчиваго шага. Если какія-то безотвѣтственныя лица могли, по своему усмотрѣнію, двинуть на улицу вооруженные полки, то совершенно ясно, что должны быть приняты энергичныя мѣры, способныя положить конецъ безумнымъ подвигамъ такихъ лицъ. И столь же ясно, что мѣры эти могутъ и должны быть выработаны и проведены въ жизнь дружными усиліями Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, съ одной стороны, и Временнаго Правительства—съ другой. Въ противномъ случаѣ онѣ сами могутъ, пожалуй, послужить источникомъ новыхъ столкновеній и новыхъ выступленій безотвѣтственныхъ лицъ, которыя,—мы теперь хорошо знаемъ это,—умѣютъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Только что пережитое нами столкновеніе Совѣта съ Правительствомъ вызвано было извѣстной нотой этого послѣдняго къ нашимъ союзникамъ. Такъ какъ война продолжается и такъ какъ вопросъ о мирѣ будетъ еще не разъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе, то всѣ тѣ, которые не хотятъ теперь гражданской войны, обязаны позаботиться о томъ, чтобъ соглашеніе, разъ достигнутое въ этой области, не было вновь нарушено.

Прежде всего, должны быть рѣшительно и безповоротно отвергнуты всякіе толки о сепаратномъ мирѣ Россіи съ центральными державами. Такой миръ былъ бы не только позоромъ для Россіи. Онъ причинилъ бы ей огромный, можетъ быть, непоправимый вредъ. Этого мира никто у насъ не хочетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, опять-таки безотвѣтственныхъ лицъ. Тѣмъ легче будетъ избѣжать всякихъ недоразумѣній съ этой стороны.

Съ другой стороны, при нѣкоторой доброй волѣ, сторон-

никамъ мира не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что формула: миръ безъ аннексій и безъ контрибуцій, заключаетъ въ себѣ неясности, дѣлающія необходимыми новыя и довольно длинныя разъясненія. Она съ удобствомъ можетъ быть замѣнена гораздо болѣе ясной и правильной формулой: *миръ, въ основу котораго ляжетъ принципъ свободнаго самоопредѣленія народовъ*. Всѣмъ извѣстно, что этотъ принципъ представляетъ собою тотъ свѣточъ, которымъ направляется и должна направляться международная политика сознательныхъ пролетаріевъ всѣхъ странъ.

(«Единство» № 20, отъ 22 апр. 1917.г).

Товарищи, не попадайтесь въ ловушку!

Датскій товарищъ Б. вступилъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ переговоры объ участіи этого послѣдняго въ такъ называемой международной соціалистической конференціи, долженствующей имѣть мѣсто въ Стокгольмѣ.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько предшествующая дѣятельность датскаго товарища Б. свидѣтельствуетъ объ его безпристрастномъ отношеніи къ системамъ государствъ, воюющихъ между собой въ настоящее время, я считаю себя обязаннымъ обратить вниманіе товарищей на слѣдующее обстоятельство:

Въ Стокгольмской конференціи, навѣрно, не будутъ участвовать бельгійская и французская соціалистическія партіи, а также и огромнѣйшее большинство организованнаго англійскаго пролетаріата. Но зато въ ней примутъ участіе Шейдеманъ и братія его. Каковы нынѣшнія стремленія этихъ германскихъ большевиковъ, совершенно ясно видно изъ того, что они до сихъ поръ не рѣшаются предоставить населенію Эльзаса и Лотарингіи права присоединиться къ Франціи, если оно того пожелаетъ.

Въ то же самое время они заявляютъ, что право самоопредѣленія народовъ отнюдь не отрицается ими. Тутъ мы имѣемъ передъ собою все ту же лицемѣрную фразеологію, съ помощью которой Шейдеманъ и компанія до сихъ поръ старались прикрыть свою политику имперіализма и бросать песокъ въ глаза наивныхъ простаковъ. Входить съ ними въ какіе бы то ни было переговоры, значитъ измѣнять всѣмъ традиціямъ Интернаціонала и мириться съ германскимъ ревизіонизмомъ, давно уже объявившимъ непримиримую войну международному революціонному соціализму. Засѣдать съ ними на одной конференціи, значитъ затемнять сознаніе международнаго пролетаріата въ такую минуту, когда необходимо внести въ него самый яркій свѣтъ.

Для того, чтобы возстановить Интернаціоналъ, нужно не брататься съ тѣми, дѣятельность которыхъ представляетъ собою рѣшительное отрицаніе лучшихъ его завѣтовъ, а, совершенно наоборотъ, громко и прямо сказать имъ: «вамъ въ немъ не мѣсто». Только въ такое отношеніе къ нимъ могутъ стать послѣдовательные сторонники революціоннаго соціализма.

Товарищи, не попадайтесь въ ловушку! Не совершайте непоправимой ошибки!

(«Единство» № 22, отъ 25 апр. 1917 г.).

Отечество въ опасности.

Я знаю, что уже самое заглавіе моей статьи дастъ поводъ къ насмѣшкамъ: «онъ говоритъ объ отечествѣ; онъ его любитъ!» «онъ, соціалъ-демократъ!» Однако, я никогда не боялся и никогда не буду бояться насмѣшекъ этого рода. Ихъ дѣйствіе на меня ограничивается тѣмъ, что я неизмѣнно вспоминаю слова Некрасова:

Надъ чѣмъ смѣяться вздумали глупцы,
Опошлить чувство вздумали какое!

Старый интернаціоналистъ, я прекрасно знаю, что, если современный соціализмъ стремится установить извѣстную, соотвѣтствующую его основнымъ посылкамъ, систему отношеній между всѣми странами цивилизованнаго міра, то это вовсе не означаетъ, что онъ требуетъ пренебреженія къ интересамъ отдѣльныхъ странъ вообще и своего отечества въ частности. Онъ только говоритъ, что слѣдуетъ различать *правомѣрные* интересы каждой отдѣльной страны отъ *неправомѣрныхъ*. Если бы это было иначе, то международная ассоціація рабочихъ, возникшая при дѣятельномъ участіи Маркса, этого отца современнаго научнаго соціализма, называлась бы *Антинаціоналомъ*, а не *Интернаціоналомъ*. Система тѣсныхъ отношеній между націями, къ установленію которой стремится Интернаціоналъ, предполагаетъ *существованіе* націй, а вовсе не ихъ *уничтоженіе*. Если я не долженъ мириться съ нарушеніемъ правомѣрныхъ интересовъ,—а тѣмъ менѣе съ уничтоженіемъ любой изъ отдѣльныхъ націй,—то изъ этого слѣдуетъ, что я не имѣю ровно никакого права пренебрегать правомѣрными интересами своей собственной страны. Разсуждая иначе, я изъ *интернаціоналиста* превратился бы въ *антинаціоналиста*, т. е. уподобился бы циммервальдистамъ въ родѣ Гримма или Платена, утверждавшимъ, что соціалисты измѣняютъ самимъ себѣ всякій разъ, когда ополчаются на защиту своей родины. А отъ такого помраченія ума пусть предохранятъ меня безсмертные боги Олимпа!

Итакъ, не опасаясь беззубыхъ насмѣшекъ нашихъ *антинаціоналистовъ*, по недоразумѣнію попавшихъ въ *Интернаціоналъ*, я считаю себя обязаннымъ защищать правомѣрные интересы своего отечества и обращаю вниманіе читателей «Единства» на то грозное обстоятельство, что Россія переживаетъ теперь смертельную опасность.

Не я одинъ говорю это. Это говорятъ, кромѣ меня, люди весьма различныхъ направленій общественной мысли.

Наша военная мощь быстро клонится къ упадку; наша

армія разлагается, и процессъ ея разложенія зашелъ такъ далеко, что Россія находится на краю гибели.

Это было сказано нашимъ военнымъ и морскимъ министромъ А. И. Гучковымъ въ торжественномъ засѣданіи Государственной Думы всѣхъ четырехъ созывовъ.

Такія рѣчи подобны звукамъ набата, возвѣщающимъ о бѣдѣ и зовущимъ на помощь. Жаль только, что А. И. Гучковъ совсѣмъ некстати придалъ своей рѣчи характеръ какого-то полемическаго выпада, ослаблявшій ея мрачное значеніе и дававшій поводъ предполагать, что онъ преувеличилъ грозящую нашей странѣ опасность. Но вотъ прошло нѣсколько дней и на съѣздѣ делегатовъ съ фронта нашъ министръ юстиціи высказался совершенно въ томъ же духѣ, какъ и Гучковъ, хотя подошелъ къ предмету отчасти съ другой стороны.

«Я жалѣю, — признался, между прочимъ, А. Ф. Керенскій,—что не умеръ тогда, два мѣсяца назадъ; я умеръ бы съ великой мечтой, что разъ навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ хлыста и палки взаимно уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ имъ управляли прежніе деспоты».

Теперь его уже покинула отрадная увѣренность, вызванная въ немъ успѣшнымъ ходомъ революціонныхъ событій, теперь его сердце полно тревоги, и теперь онъ откровенно и громко заявляетъ:

«Если сейчасъ не будутъ всѣми сознаны трагизмъ и безвыходность положенія, если не поймутъ, что сейчасъ на всѣхъ лежитъ отвѣтственность, если нашъ государственный механизмъ не будетъ дѣйствовать такъ же правильно, какъ хорошо прилаженный механизмъ, тогда все, о чемъ мы мечтали, къ чему мы стремились, будетъ отброшено еще на нѣсколько лѣтъ назадъ, а, можетъ быть, затоплено кровью».

Это—страшная и, къ сожалѣнію, совершенно неоспоримая истина. Только слѣдовало бы нѣсколько иначе формулировать

какъ нельзя болѣе правильную мысль А. Ф. Керенскаго. Точнѣе было бы выразиться такъ:

Если не окажется въ наличности отмѣченныхъ министромъ юстиціи условій, то все, о чемъ мы мечтали, все, къ чему мы стремились, будетъ затоплено кровью и отброшено назадъ не только на нѣсколько лѣтъ, а на продолжительное и,—какъ знать?—пожалуй, на весьма продолжительное время.

То обстоятельство, что теперь, въ значительной мѣрѣ, *благодаря нашимъ собственнымъ ошибкамъ*, быстро умножаются шансы реакціи, которая, разъ начавшись, совершалась бы при самыхъ неблагопріятныхъ и даже прямо позорныхъ для Россіи внѣшнихъ условіяхъ, и составляетъ трагизмъ нынѣшняго нашего положенія.

Какъ бы желая подтвердить основательность высказанныхъ А. Ф. Керенскимъ опасеній, А. И. Гучковъ на томъ же съѣздѣ сообщилъ о своемъ выходѣ въ отставку.

Почти одновременно съ нимъ удалился начальникъ Петроградскаго округа Корниловъ.

Такимъ образомъ, разложеніе арміи, начавшееся пресловутымъ братаніемъ на фронтѣ русскихъ солдатъ съ германскими, дополняется уходомъ въ отставку лицъ высшаго командного состава. Излишне доказывать, что при такихъ условіяхъ военная мощь Россіи окончательно уничтожится въ самое короткое время. Кто не принадлежитъ къ числу послѣдовательныхъ пораженцевъ, тому поневолѣ приходится подумать надъ вопросомъ:

Что же нужно сдѣлать для того, чтобъ остановить крайне опасный для Россіи процессъ полнаго уничтоженія силы ея военнаго сопротивленія?

Для этого нужно, во-первыхъ, положить конецъ выгодному только для нѣмцевъ и, на самомъ дѣлѣ, практикуемому только русскими солдатами, братанію. Въ этомъ смыслѣ только-что высказался въ особомъ воззваніи Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Лучше поздно,

чѣмъ никогда! Для этого нужно, во-вторыхъ, поставить лицъ высшаго командного состава нашей арміи въ такое положеніе, которое дало бы имъ возможность исполнять свои обязанности.

Въ такомъ положеніи они пока еще не находятся.

Если начальникъ войскъ Петроградскаго округа не можетъ вывести изъ казармъ ни одного батальона,—что говорю я,—ни одного взвода, не получивъ на то разрѣшенія Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, то ему ничего не остается, какъ сложить съ себя обязанности.

Разумѣется, мѣсто Корнилова можетъ быть занято какимъ-нибудь Лаврентьевымъ или Петровымъ. Но чѣмъ серьезнѣе будетъ относиться къ своимъ обязанностямъ новый начальникъ округа, тѣмъ скорѣе придетъ онъ къ тому выводу, что ему остается лишь послѣдовать примѣру своего предшественника. Словомъ, начнется сказка о бѣломъ бычкѣ.

Чтобы положить конецъ этой нелѣпой сказкѣ, слушая которую Россія можетъ погибнуть, Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ долженъ будетъ окончательно взять военную власть въ свои руки.

Взявши военную власть въ свои руки, онъ положитъ начало той диктатурѣ пролетаріата, о которой говорятъ сторонники Ленина, но которую до сихъ поръ считали несвоевременной и потому вредной представители другихъ теченій.

И эта диктатура явится передъ нами въ самомъ несовершенномъ своемъ видѣ: въ видѣ диктатуры Исполнительнаго Комитета одного только Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Вмѣсто диктатуры рабочаго класса передъ нами будетъ диктатура нѣсколькихъ десятковъ лицъ.

Если при данныхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ неумѣстна и потому опасна для Россіи,—а больше всего для интересовъ ея трудящагося населенія,—диктатура рабочаго

класса, то еще менѣе умѣстна, еще болѣе опасна диктатура нѣсколькихъ десятковъ лицъ.

Прочитавъ это, можно, пожалуй, разсердиться, но, подумавъ, надо будетъ признать, что я говорю правду. Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ не можетъ, не утративъ политическаго смысла, стремиться къ захвату военной власти въ свои руки. А если онъ не можетъ стремиться къ ея захвату, то ему слѣдуетъ теперь же принять всѣ мѣры къ тому, чтобы дать возможность лицамъ высшаго военнаго командного состава исполнять свои обязанности.

Лучшимъ средствомъ для этого было бы составленіе коалиціоннаго министерства, въ которое вошли бы представители трудящейся массы. Но тутъ мы опять сталкиваемся съ рѣшеніемъ Исполнительнаго Комитета Петроградскаго Совѣта, гласящимъ, что такого министерства составлять не слѣдуетъ.

Пока останется въ силѣ это рѣшеніе, будетъ продолжаться сказка о бѣломъ бычкѣ, и наша военная мощь будетъ равняться нулю къ величайшей радости подданныхъ Вильгельма II и нашихъ собственныхъ пораженцевъ. Спрашивается, долго-ли останется въ силѣ это рѣшеніе?

Оно было принято 23 голосами противъ 22 при 8 воздержавшихся. О людяхъ, не рѣшившихся подать свой голосъ, можно не распространяться, сказавъ словами Данте: «Посмотри на нихъ и пройди мимо». Что же касается *голосовавшихъ*, то выходитъ, что составленіе коалиціоннаго министерства было отклонено однимъ голосомъ. А это значитъ, что нудная и крайне вредная для Россіи сказка о бѣломъ бычкѣ будетъ тянуться до тѣхъ поръ, пока обладатель голоса, рѣшившаго судьбу коалиціоннаго министерства, не перемѣнитъ своего мнѣнія. Подождемъ! Но тяжело ждать, сознавая, что наше отечество находится въ опасности. Поэтому не будемъ бездѣятельны.

Всѣ тѣ члены крайнихъ лѣвыхъ партій, которые находятъ, что Россіи пора, наконецъ, выйти изъ нынѣшняго тупика, должны какъ можно больше сблизиться между собой и начать

неутомимую, организованную и планомѣрную агитацію для распространенія своего взгляда въ трудящейся массѣ.

Какъ для апостола Павла не существовало ни іудеевъ, ни эллиновъ, ни обрѣзанныхъ, ни необрѣзанныхъ, а существовали только сторонники его пониманія христіанства, такъ и для насъ въ этомъ вопросѣ не должно быть ни меньшевиковъ, ни большевиковъ, ни членовъ организаціи «Единства», ни соціалъ-демократовъ, ни соціалистовъ-революціонеровъ, а должны существовать только люди, сознающіе, что ихъ отечество находится въ опасности и что для его спасенія необходимъ могучій порывъ революціонной энергіи, способный поднять насъ выше сектантскаго догматизма и партійныхъ предубѣжденій.

И не только въ этомъ вопросѣ. Не нужно забывать, что А. Ф. Керенскій, произнесшій такую пламенную рѣчь о страшныхъ затрудненіяхъ, переживаемыхъ теперь Россіей, находится въ противорѣчивомъ положеніи человѣка, входящаго въ составъ нынѣшняго министерства и принадлежащаго къ партіи, которая считаетъ это несогласнымъ со своими принципами.

Все это нужно разъяснить, все это нужно очистить отъ противорѣчій; все это нужно согласовать для того, чтобы стали планомѣрными, послѣдовательными и согласованными усилія всѣхъ тѣхъ членовъ крайнихъ лѣвыхъ партій, которые не хотятъ въ роковое время позорить гражданина санъ!

(«Единство» № 28, отъ 2 мая 1917 г.).

Къ вопросу о стокгольмской, такъ называемой международной соціалистической конференціи.

Шведская печать опубликовала открытое письмо Меринга къ Н. С. Чхеидзе Въ немъ говорится:

«Мы отказываемся отъ всякаго участія въ конференціи, на которой будетъ выступать германское соціалъ-демократическое большинство Оно должно считаться представителемъ не

соціализма, а лишь германскаго правительства и его интересовъ. Участіе въ конференціи этого большинства было бы тяжелымъ ударомъ для самой идеи интернаціональнаго соціализма. Настоящее заявленіе выражаетъ мнѣніе германской группы интернаціоналистовъ, и я увѣренъ, что я могу сказать то же самое отъ имени находящихся въ заключеніи моихъ друзей: Розы Люксембургъ и Карла Либкнехта».

Отзывъ Меринга о германскомъ соціалъ-демократическомъ большинствѣ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ отзывовъ о немъ, который уже не разъ высказывался мною въ моихъ статьяхъ съ самаго начала нынѣшней войны. Мнѣ въ высшей степени пріятно убѣдиться, какъ въ этомъ совпаденіи, такъ и въ томъ, что лучшіе представители германской соціалъ-демократіи съумѣли избѣжать ловушки, на которую я, къ сожалѣнію, не совсѣмъ успѣшно указалъ нашимъ товарищамъ.

Далѣе, Вандервельдъ, проѣздомъ черезъ Христіанію, заявилъ въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ:

«Мы можемъ вести переговоры съ лѣвыми соціалъ-демократами, но мы знаемъ, что они составляютъ меньшинство. Что же касается праваго большинства, мы открыто признаемся, что трудно принять протянутую намъ руку, когда другая рука протянута къ кайзеру».

Говоря объ аннексіяхъ, Вандервельдъ высказалъ слѣдующую, совершенно правильную, мысль:

«Развѣ можно считать справедливымъ такой миръ, при которомъ Бельгія, безъ всякой вины съ ея стороны вовлеченная въ войну, не получитъ возмѣщенія за всѣ причиненныя разрушенія. Развѣ можно признать аннексіей освобожденіе Арменіи и возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи Франціи и Трентино Италіи. Наоборотъ, это только необходимое исправленіе прежнихъ грубыхъ аннексій».

Наконецъ, національный совѣтъ французской соціалистической партіи принялъ резолюцію, въ которой говорится:

«Новое международное соціалистическое совѣщаніе мо-

жетъ быть созвано, но только съ условіемъ, чтобы германскіе соціалисты предварительно отказались отъ имперіализма и признали необходимость демократической революціи въ Германіи. Національный совѣтъ преполагаетъ предложить международному совѣщанію привлечь къ отвѣтственности представителей германской и австро-венгерской соціалъ-демократіи, виновныхъ въ измѣнѣ принципамъ соціализма».

А товарищъ Скобелевъ все-таки поѣдетъ въ Стокгольмъ, неся на своей спинѣ «товарища» Шейдемана и чортову бабушку. Что-жъ? Скатертью дорога. Только пусть онъ и въ Стокгольмѣ не совсѣмъ забываетъ о своемъ революціонномъ прошломъ. Пусть онъ не очень «братается» съ германскимъ большинствомъ, которое, протягивая ему свою братскую руку, будетъ въ то же время, по выраженію Вандервельда, пожимать руку кайзеру.

Изъ Стокгольма ничего не выйдетъ, кромѣ раскола въ Интернаціоналѣ...

(«Единство» № 28, отъ 2 мая 1917 г.).

Основной вопросъ.

Событія идутъ очень быстро. Только на-дняхъ Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ высказался *противъ* участія представителей крайнихъ лѣвыхъ партій въ коалиціонномъ министерствѣ. И не только онъ одинъ. № 3 московской газеты «Власть народа» (отъ 30-го апрѣля 1917 г.) сообщаетъ:

«Вчера, въ засѣданіи представителей районныхъ московскихъ комитетовъ р. с.-д. р. партіи, меньшевистской фракціи, обсуждался вопросъ о коалиціонномъ министерствѣ. Доклады были сдѣланы И. А. Чистовымъ и А. Н. Потресовымъ.

Большинствомъ голосовъ участіе с.-д. въ составѣ Временнаго Правительства признано нежелательнымъ».

Теперь онъ измѣнилъ свое мнѣніе. Въ ночь съ 1-го на 2-е мая

онъ въ чрезвычайномъ засѣданіи пришелъ къ тому заключенію, что «только при дѣятельномъ участіи революціонной демократіи можетъ быть создана въ странѣ новая власть, способная устранить хозяйственную разруху, организовать защиту фронта и ускорить заключеніе мира въ международномъ масштабѣ». Это хорошо. Было бы весьма желательно, чтобы и впредь событія шли столь же быстро, т.-е., чтобы Исполнительный Комитетъ здѣшняго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ обнаруживалъ такую же готовность исправлять свои ошибки. Будемъ надѣяться, что и въ другихъ городахъ соціалистическія организаціи сумѣютъ отбросить прежнія заблужденія. А въ ожиданіи этого счастливаго времени, посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ о мирѣ.

Это тѣмъ болѣе кстати, что, согласно замѣчанію, сдѣланному т. Церетелли въ своей рѣчи на съѣздѣ представителей фронта, отношеніе къ войнѣ является основнымъ вопросомъ переживаемаго нами историческаго момента.

Для того, чтобы мы могли содѣйствовать болѣе скорому заключенію мира, намъ нужно прежде всего составить себѣ правильное, т. е. *соотвѣтствующее дѣйствительности, а не нашимъ субъективнымъ настроеніямъ*, представленіе объ истинномъ характерѣ нынѣшней войны. А вотъ этимъ-то представленіемъ пока еще и не обладаетъ Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Мнѣ тяжело признаться въ этомъ; однако, дѣлать нечего: другъ Платонъ, но выше друга истина.

Въ только что напечатанномъ воззваніи своемъ «къ соціалистамъ всѣхъ странъ» (№ 55 «Извѣстія Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.») сказано:

«Каковы бы ни были превратности военнаго счастья,—имперіалисты всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ побѣдителями: война дала и даетъ имъ чудовищныя прибыли: скапливаетъ въ ихъ рукахъ колоссальные капиталы, надѣ-

ляетъ ихъ неслыханною властью надъ личностью, трудомъ и самою жизнью трудящихся».

Что война помогаетъ многимъ предпринимателямъ, работающимъ для ея потребностей, получать чудовищную прибыль, это, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію. Но ихъ чудовищная прибыль можетъ быть обложена соотвѣтствующимъ налогомъ. Переходъ этой возможности въ дѣйствительность обусловливается соотношеніемъ силъ въ каждой данной странѣ. Его легче осуществить тамъ, гдѣ господствуетъ *демократія* (напримѣръ, въ Англіи) нежели тамъ, гдѣ властвуютъ юнкера и крупные предприниматели. То же нужно сказать и объ ограниченіи власти «капитановъ промышленности» надъ личностью, трудомъ и самой жизнью рабочихъ: его гораздо легче осуществить тамъ, гдѣ рабочій классъ имѣетъ большую политическую силу, нежели тамъ, гдѣ такой силы у него нѣтъ. Сравните ту же Англію съ до-революціонной Россіей.

Вотъ почему неправильно то утвержденіе, согласно которому имперіалисты всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ побѣдителями. Но это еще не все.

По мнѣнію автора разбираемаго мною воззванія, имперіалисты всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ побѣдителями, *независимо отъ превратностей военнаго счастья*. Если бы это было вѣрно, то сдѣлалось бы совершенно непонятнымъ, почему же имперіалисты странъ Согласія всѣми силами стараются склонить военное счастье на свою сторону, между тѣмъ, какъ имперіалисты центральныхъ монархій рѣшительно отказываются помириться съ мыслью о пораженіи Германіи и Австро-Венгріи. Потому-ли, что ни тѣ, ни другіе не понимаютъ своихъ интересовъ? Если—да, то можно надѣяться, что опубликованное Исполнительнымъ Комитетомъ воззваніе къ соціалистамъ всѣхъ странъ просвѣтитъ, наконецъ, имперіалистовъ всего міра на счетъ ихъ истинныхъ интересовъ, и тогда они совершенно утратятъ свой воинственный пылъ. Всего вѣрнѣе, что авторы воззванія даже и не задумывались о столь отрад-

номъ послѣдствіи его опубликованія. Тѣмъ живѣе будетъ ихъ неожиданная радость.

Съ своей стороны я, признаюсь, не допускаю, чтобы, напримѣръ, германскіе имперіалисты когда-нибудь повѣрили, будто имъ все равно, побѣдитъ или же, наоборотъ, будетъ побѣждена Германія въ нынѣшней войнѣ.

Они не повѣрятъ этому по той простой, но вполнѣ достаточной причинѣ, что въ дѣйствительности это для нихъ совсѣмъ не безразлично.

Предположимъ, что военное счастье склонилось въ сторону центральныхъ монархій. Это значитъ, что дальнѣйшее экономическое развитіе Германіи и Австро-Венгріи будетъ поставлено въ условія болѣе выгодныя для капиталистовъ названныхъ монархій, чѣмъ для капиталистовъ странъ Согласія. А это, въ свою очередь, означаетъ, что германскимъ и австрійскимъ капиталистамъ легче будетъ наживать «чудовищныя прибыли», чѣмъ капиталистамъ французскимъ и англійскимъ. А изъ этого, въ послѣднемъ счетѣ, выходитъ, что англійскіе и французскіе капиталисты, въ случаѣ пораженія странъ Согласія, вовсе не явятся *«побѣдителями»* въ такой же мѣрѣ, какъ и предприниматели Австріи и Германіи. Зачѣмъ же утверждать то, чего нѣтъ и быть не можетъ?

Но и это еще не все.

Авторы воззванія, развивая далѣе свою главную мысль, говорятъ:

«Но именно поэтому (т. е. по причинѣ, существующей только въ ихъ воображеніи. Г. П.) трудящіеся всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ побѣжденными». Подтверждается это тѣмъ соображеніемъ, что трудящіеся вездѣ несутъ на алтарь имперіализма безчисленныя жертвы своей жизнью, своимъ состояніемъ, своей свободой и что на ихъ плечи ложатся несказанныя лишенія. Но это соображеніе мало убѣдительно. Если каждая изъ двухъ борющихся между собою сторонъ переноситъ одинаковыя лишенія, то изъ этого не слѣдуетъ, что каждая

изъ нихъ должна явиться *побѣжденной*. Отнюдь не слѣдуетъ! Одна изъ нихъ можетъ выйти побѣдительницей, подъ ярмомъ которой вынуждена будетъ пройти другая сторона. Зачѣмъ высказывать положенія, несостоятельность которыхъ тотчасъ же бросается въ глаза всякому человѣку, не совсѣмъ беззаботному насчетъ логики?

Германскіе организованные рабочіе принесли на алтарь имперіализма не только безчисленныя жертвы своей жизнью, своей свободой и своимъ достояніемъ. Они украсили его роскошной гирляндой *своихъ собственныхъ имперіалистическихъ вожделѣній*, т. е. другими словами, *своихъ собственныхъ стремленій къ эксплуатаціи рабочихъ другихъ странъ*. Я говорилъ это съ самаго начала нынѣшней войны. Теперь то же говоритъ крайній лѣвый германскій соціалъ-демократъ, весьма извѣстный Францъ Мерингъ. Авторы воззванія не хотятъ обратить вниманіе на этотъ фактъ. Но, отказываясь считаться съ фактами, мы этимъ не измѣняемъ истиннаго положенія дѣлъ. А истинное положеніе дѣлъ таково, что германскимъ организованнымъ рабочимъ, идущимъ за Шейдеманомъ, Легіеномъ и компаніей, далеко не все равно, выйдетъ ли ихъ страна побѣдительницей изъ нынѣшняго международнаго столкновенія: имъ несравненно пріятнѣе оказаться въ роли эксплуататоровъ, нежели въ той роли эксплуатируемыхъ, которая неизбѣжно выпадаетъ на долю побѣжденныхъ въ имперіалистической войнѣ.

Но именно потому, что на долю побѣжденныхъ неизбѣжно выпадаетъ непріятная роль *эксплуатируемыхъ*, рабочимъ другихъ странъ, напримѣръ, Россіи, тоже не все равно, на чью сторону повернется военное счастье. Тѣ пять милліардовъ франковъ, которые заплатила Германіи Франція, побѣжденная ею въ войнѣ 1870—1871 гг., были вынуты изъ кармана трудящагося французскаго населенія, что, разумѣется, ни мало не способствовало улучшенію его экономическаго быта. Я берусь съ цифрами въ рукахъ доказать, что пораженіе, понесенное Франціей въ 1870—71 гг., *увеличило приблизительно на 700*—

800 милліоновъ ту долю прибавочной стоимости, которую французскій рабочій классъ ежегодно отдавалъ французской буржуазіи. Это звучитъ парадоксомъ. Но,—повторяю!—я могу математически доказать это, а изъ будто бы парадокса слѣдуетъ, что, борясь противъ германскихъ армій, французскій рабочій классъ отстаивалъ тогда свою позицію по отношенію къ французской же буржуазіи, т. е. *продолжалъ свою классовую борьбу съ нею.* Подобныхъ истинъ не преподаютъ ни въ Циммервальдѣ, ни въ Кинталѣ. Но это не мѣшаетъ имъ оставаться истинами, и кто не можетъ или не хочетъ понять ихъ, тотъ приходитъ въ противорѣчіе съ экономической дѣйствительностью.

Будемъ говорить на чистоту. Авторы воззванія стоятъ на точкѣ зрѣнія Циммервальдъ-Кинталя. Я жалѣю объ этомъ, такъ какъ считаю названную точку зрѣнія ошибочной. Но я не видѣлъ бы въ этомъ большой бѣды, если бы попытка воплощенія въ жизнь циммервальдъ-кинтальскихъ взглядовъ не грозила нашей многострадальной родинѣ *новымъ и очень опаснымъ кризисомъ.*

Когда т. Церетелли сказалъ, что отношеніе къ войнѣ является основнымъ вопросомъ переживаемаго нами момента, то въ его устахъ это значило, что главное его усиліе, равно, какъ и усиліе всѣхъ его ближайшихъ единомышленниковъ, должно быть направлено на осуществленіе резолюцій, принятыхъ въ Циммервальдъ-Кинталѣ и относящихся къ военному вопросу.

Человѣку его взгляда естественно стремиться къ этой цѣли. Но посмотрите, что получится у насъ въ результатѣ подобнаго стремленія.

Теперь Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ рѣшилъ *въ утвердительномъ смыслѣ* вопросъ объ участіи представителей демократіи въ коалиціонномъ министерствѣ. Такое участіе, разумѣется, не можетъ быть безусловнымъ. Но если основнымъ его условіемъ явится усвоеніе нашимъ Временнымъ Правительствомъ циммервальдъ-кинталь

ской точки зрѣнія, то это, какъ двѣ капли воды, будетъ похоже на то, какъ если бы Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта предъявилъ Россіи, въ лицѣ ея нынѣшняго Временнаго Правительства, ультиматумъ:

Или усвоеніе циммервальдъ-кинтальскихъ резолюцій, или продолженіе нынѣшней анархіи, поставившей Россію на край гибели.

Далѣе. Если бы Россія, въ лицѣ своего нынѣшняго Временнаго Правительства, получивъ такой ультиматумъ, отвѣтила: и я принимаю циммервальдъ-кинтальскія резолюціи, то Церетелли и его ближайшіе единомышленники, оставаясь вѣрными себѣ, потребовали бы отъ нея, чтобъ она добилась принятія тѣхъ же резолюцій всѣми странами Согласія.

Но, что такое циммервальдъ-кинтальскія резолюціи?

Это—резолюціи, принятыя извѣстной, и притомъ далеко не наибольшей, частью членовъ второго Интернаціонала. Нѣкоторыя изъ лицъ, принявшихъ эти резолюціи (Гриммъ, Платтенъ и др.), обнаружили при этомъ взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ тѣмъ, что проповѣдывалъ этотъ интернаціоналъ о правѣ народовъ на самозащиту.

Въ *теоретическомъ* смыслѣ рѣшенія принятыя въ Циммервальдъ-Кинталѣ, несостоятельны. Въ доказательство этого достаточно сослаться на разобранные мною выше доводы авторовъ воззванія Исполнительнаго Комитета. Взятые изъ циммервальдъ-кинтальскаго арсенала, доводы эти не удовлетворяютъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ критики.

Въ *практическомъ* смыслѣ резолюціи о войнѣ, принятыя въ Циммервальдъ-Кинталѣ, имѣютъ ту слабую сторону, что требованія, въ нихъ выставленныя, не легко согласимы одно съ другимъ. Такъ, *«миръ безъ контрибуцій и аннексій»*, лишь путемъ длинныхъ оговорокъ можетъ быть приведенъ въ согласіе съ принципомъ, провозглашающимъ *право народовъ на самоопредѣленіе*. И во всякомъ случаѣ, наши товарищи циммервальдъ-кинтальскаго образа мыслей являются въ Интерна-

ціоналѣ не болѣе, какъ *сектой*. Совершенно несправедливо было бы требовать, чтобы точка зрѣнія отдѣльной секты была усвоена *всѣмъ Интернаціоналомъ*. И несравненно менѣе справедливо было бы добиваться, чтобъ на нее перешли всѣ страны Согласія. Считать такой переходъ основной задачей переживаемаго нами историческаго момента—значитъ вдаваться въ утопію, способную поставить Россію въ невыносимое международное положеніе и принести непоправимый вредъ всѣмъ ея насущнымъ интересамъ, а въ томъ числѣ и ея только что народившейся свободѣ. Пусть хорошенько подумаютъ объ этомъ т. Церетелли и его ближайшіе единомышленники...

(«Единство» № 29, отъ 3 мая 1917 г.).

Рѣчь на Съѣздѣ делегатовъ фронта.

Прежде всего позвольте поблагодарить васъ за теплое привѣтствіе и поздравить съ новымъ порядкомъ, установившимся въ Россіи.

Еще недавно мы оффиціально считались вѣрноподданными русскаго царя. Теперь царя нѣтъ, мы не подданные, мы—свободные граждане. Званіе гражданина, которое мы получили въ результатѣ долгой и упорной борьбы, цѣною безчисленныхъ жертвъ, дало намъ огромныя права, но оно же налагаетъ на насъ еще большія обязанности. Первая наша обязанность—беречь нашу свободу, беречь революцію. Вторая обязанность—передъ нашими союзниками.

Переходный моментъ, который мы переживаемъ, всегда связанъ съ общей разрухой. Воцарилась анархія, и съ ней мы должны бороться въ интересахъ свободы, въ интересахъ революціи. Намъ нужна сейчасъ не анархія, а панархія, не безвластіе, а всевластіе—власть всего русскаго народа. Намъ нужна демократическая республика.

Я пережилъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, слушая предыдущаго оратора, призывавшаго васъ къ борьбѣ до побѣды.

Я всегда думалъ, что честная борьба, которую мы ведемъ, должна закончиться рѣшительной побѣдой.

Разъ мы вовлечены въ войну, которую не мы начали, мы не можемъ представить себѣ другого исхода. Рѣшительная побѣда не значитъ разгромъ противника. На нашемъ знамени написано не угнетеніе, не порабощеніе кого бы то ни было, а свободное самоопредѣленіе народовъ. Это—наше знамя, новое знамя, поднятое русской революціей. Наша задача на фронтѣ—всѣми силами поддерживать духъ арміи, ея боевую мощь до тѣхъ поръ, пока мы не сломимъ завоевательныхъ стремленій непріятеля, пока мы не будемъ гарантированы, что наша свобода обезпечена отъ всякаго внѣшняго посягательства. Можетъ ли при такихъ условіяхъ идти рѣчь о какомъ бы то ни было братаніи? И что представляетъ собою это братаніе, къ которому васъ нѣкоторые призываютъ? Къ русскому карасю является нѣмецкая щука и, подъ предлогомъ братанія, вывѣдываетъ ваши военныя тайны, разглядываетъ ваши позиціи, чтобы облегчить себѣ ихъ захватъ.

Меня спрашиваютъ, какова должна быть демократическая власть. Я отвѣчаю: это должна быть власть, облеченная полнымъ довѣріемъ народа, это должна быть власть, настолько сильная, чтобы предотвратить всякую возможность анархіи. При какихъ же условіяхъ можетъ быть учреждена такая сильная демократическая власть? Необходимо, по моему мнѣнію, чтобы въ составѣ правительства были представители всѣхъ тѣхъ слоевъ населенія, которые не заинтересованы въ возстановленіи стараго порядка. Нужно коалиціонное министерство. Я говорилъ объ этомъ съ перваго момента моего вступленія на родную почву, но я оставался почти одинъ въ средѣ моихъ товарищей. Я радъ, что теперь и они стали на ту же точку зрѣнія, и коалиціонное министерство—вопросъ, если не сегодняшняго, то завтрашняго дня (апплодисменты). Товарищи соціалисты, признавая необходимымъ войти въ составъ правительства, могутъ и должны предъявить опредѣленныя требованія. Но не должно

быть такихъ требованій, которыя непріемлемы для представителей другихъ классовъ, для выразителей интересовъ другихъ слоевъ населенія. Такимъ требованіемъ я считаю требованіе опубликовать договоры, заключенные съ нашими союзниками. Это—вопросъ не принципа, а цѣлесообразности. И въ настоящій моментъ выполненіе этого требованія могло бы направить насъ по ложному пути—по пути заключенія сепаратнаго мира, сторонниковъ котораго въ нашей средѣ нѣтъ. (Бурные аплодисменты). У насъ есть договоры съ демократической Франціей... (возгласы съ мѣста: «буржуазной»)... да, товарищи, буржуазной, но, вспомните, что Щедринъ еще говорилъ, что у каждаго русскаго, любящаго родину, есть два отечества—Россія и Франція. Вы только недавно перестали пѣть «Боже, Царя храни», и чѣмъ вы его замѣнили?—французской Марсельезой. Да, Франція въ высшей степени буржуазная страна, но еще Марксъ и Энгельсъ доказали намъ, какую революціонную роль сыграла буржуазія въ исторіи, и французская буржуазія въ особенности. Вспомните моментъ начала войны. Германскій посолъ въ Парижѣ заявилъ французскому правительству, что Германія не начнетъ войны съ Франціей, если она откажется отъ поддержки Россіи. Но французское правительство рѣшительно отклонило переговоры съ германскимъ посломъ и честно исполнило и исполняетъ свои обязанности передъ Россіей. Подумайте о томъ, что разрывъ съ союзниками въ настоящій моментъ означаетъ, можетъ быть, въ скоромъ времени войну съ ними, въ позорномъ союзѣ съ Вильгельмомъ.

Старое правительство не умѣло и не хотѣло вести этой войны. Доказывать это—значитъ повторять всѣмъ извѣстный фактъ. Знаменитый русскій историкъ Ключевскій сказалъ: русскіе князья были наемными сторожами русской земли. Эти наемники постепенно захватили русскую землю, но у нихъ была, по крайней мѣрѣ, одна заслуга: они умѣли охранять ее отъ непріятеля. Но чѣмъ больше власти пріобрѣтали эти наемные сторожа, тѣмъ менѣе они становились годными даже для

защиты Россіи отъ внѣшняго врага. Послѣдній наемный сторожъ земли русской—бывшій царь—оказался совершенно непригоднымъ для этой роли, и онъ былъ свергнутъ. Теперь свободный народъ долженъ самъ себя защитить.

Мнѣ жаль, что на такомъ съѣздѣ, какъ вашъ, гдѣ присутствуютъ люди, прибывшіе съ фронта, мои мысли встрѣчаютъ какое-то недовольство. Но я долженъ высказать свои мысли до конца... я думаю, что у насъ теперь можетъ быть только одно настроеніе, одна воля—воля къ побѣдѣ, ибо эта воля есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непреклонная воля къ сохраненію нашей свободы. (Бурные, продолжительные апплодисменты).

Возстановленіе «статусъ кво»—будетъ не миромъ, котораго мы добиваемся, а перемиріемъ. Такой миръ приведетъ только къ дальнѣйшему развитію милитаризма. Германія не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы осуществить тѣ имперіалистическіе идеалы, которые она преслѣдуетъ въ этой войнѣ, а другіе народы взапуски будутъ стремиться перещеголять ее своими вооруженіями.

Вопросъ объ отношеніи къ колоніальной политикѣ Англіи ясенъ для каждаго, кто принимаетъ принципъ свободнаго самоопредѣленія народовъ. Колоніи—не пустыни, а населенныя мѣстности и населенію колоній должно быть также предоставлено право свободно опредѣлить свою судьбу. Ясно, что Россія не можетъ воевать ради чьихъ-либо захватныхъ стремленій. Но меня удивляетъ, когда вопросъ объ аннексіяхъ ставится въ Россіи, 16 губерній которой находятся подъ германской пятой. Мнѣ непонятна эта исключительная заботливость объ интересахъ Германіи. Мнѣ напоминаетъ это Митрофанушку изъ комедіи фонъ-Визина, который, увидя во снѣ, какъ матушка била батюшку, обезпокоился не о томъ, что пострадаетъ батюшка, а о томъ, какъ бы матушка не устала бить батюшку. Мнѣ непонятна эта жалость къ Германіи, кирасирскій сапогъ которой до сихъ поръ давитъ Бельгію, грабитъ Францію, уничтожилъ Сербію и Румынію.

Осенью 1906 г., когда Вильгельмъ собирался двинуть свои войска на революціонную тогда Россію, я спросилъ товарищей соціалъ-демократовъ: что вы будете дѣлать, если Вильгельмъ объявитъ войну Россіи? На Маннгейскомъ партейтагѣ Бебель далъ мнѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ предложилъ съѣзду резолюцію объ объявленіи всеобщей стачки, въ случаѣ возникновенія войны съ Россіей. Но эта резолюція не была принята—ей воспротивились члены профессіональныхъ союзовъ. Это фактъ, о которомъ намъ не слѣдуетъ забывать. Бебелю пришлось тогда бить отбой и предложить другую резолюцію. Каутскій и Роза Люксембургъ были тогда недовольны поведеніемъ Бебеля. Но я спросилъ Каутскаго: «Существуетъ ли искусство устраивать всеобщую стачку вопреки волѣ рабочихъ»? Разъ этого нѣтъ, Бебелю ничего не оставалось дѣлать. И если бы въ 1906 г. Вильгельмъ направилъ свои полчища на Россію, германскіе рабочіе палецъ о палецъ не ударили бы, чтобы не допустить кровавой бойни. Въ сентябрѣ 1914 года дѣло обстояло еще хуже. Къ намъ, въ Женеву, пріѣхалъ товарищъ Кваркъ, редакторъ «Франкфуртеръ Фолксштимме», и изложилъ намъ программу германской соціалъ-демократіи въ этой войнѣ. Это была чисто имперіалистическая программа. Товарищъ Кваркъ имѣлъ смѣлость доказывать намъ, что побѣда Германіи въ этой войнѣ будетъ побѣдой германскаго рабочаго класса, германской соціалъ-демократіи, а, слѣдовательно, и побѣдой соціализма. Кварку возражали, ему доказывали, что, если онъ, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, можетъ быть, и правъ, то, во всякомъ случаѣ, представитель соціалъ-демократіи не можетъ выступать съ такой программой. Я же отвѣтилъ товарищу Кварку, что онъ оклеветанъ,—онъ не историческій матеріалистъ; то, что онъ предлагаетъ, есть буржуазный историческій цинизмъ. Ваша партія самая сильная, но и самая слабая, потому что она отвергла принципы Интернаціонала. И до сихъ поръ, къ великому сожалѣнію, большинство германскихъ профессіональныхъ сою-

зовъ идетъ за Шейдеманами, Давидами и другими,—имъ нѣтъ мѣста въ Интернаціоналѣ.

Если разложеніе въ арміи дѣйствительно дошло до такой степени, что она не можетъ больше сопротивляться, скажите это открыто, протяните шею революціоннаго русскаго народа подъ ярмо германскаго милитаризма. Но, если еще есть порохъ въ пороховницахъ, боритесь, на васъ лежитъ отвѣтственность за судьбы Россіи. Вы не имѣете права поднимать бѣлое знамя, въ виду германскаго императора. (Бурные апплодисменты). Наша армія еще не разбита, она еще достаточно сильна, нужно только поднять ея духъ, и это должны сдѣлать вы. Вы для этого сюда пріѣхали, и другихъ мыслей у васъ быть не должно. (Бурные апплодисменты). Намъ война стоила дорого, но миръ безъ побѣды намъ стоитъ еще дороже. Намъ грозитъ полный застой, намъ грозитъ судьба Китая.

На вопросъ, не понимаетъ ли онъ подъ сильной властью такую власть, которая пошлетъ воинскія команды для усмиренія крестьянъ Г. В. Плехановъ замѣчаетъ:

— Я не высказывалъ мыслей, которыя давали бы поводъ думать, что я хочу такой власти. (Апплодисменты). Къ счастью, среди васъ нѣтъ такихъ людей, которые взяли бы на себя роль усмирителей и палачей. (Апплодисменты). Я говорю только о томъ, что нельзя допустить анархіи. Нельзя допустить самочиннаго разрѣшенія вопросовъ, которые будутъ поставлены на разрѣшеніе Учредительнаго Собранія. Для этого намъ достаточно моральное воздѣйствіе, сильное и рѣшительное, на всѣхъ сѣятелей смуты.

Коалиціонное правительство можетъ находиться только подъ контролемъ всей демократической Россіи, но не подъ контролемъ отдѣльныхъ партій. Коалиціонное правительство должно быть сильно довѣріемъ всего народа. Не палки въ колеса ему нужно вставлять, а рѣшительно его поддерживать. (Апплодисменты).

Желаю вамъ счастья и успѣха въ борьбѣ за торжество де-

мократическихъ принциповъ въ международномъ правѣ. (Бурные аплодисменты).

Помните, что когда идутъ на борьбу, то, конечно, возможны жертвы, и нѣкоторые падутъ. Но тѣ, которые вернутся, вернутся съ гордымъ сознаніемъ исполненной передъ Россіей обязанности. (Апплодисменты). Да здравствуетъ свободная Россія и ея побѣдоносная революціонная армія. (Бурныя продолжительныя рукоплесканія).

(«Единство» № 30, отъ 4 мая 1917 г.).

Письма темныхъ людей.

Я получилъ слѣдующее посланіе:

«Товарищъ Плехановъ!

Прочитавъ вашу газету «Единство» и обративъ вниманіе на ваше воззваніе—«пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь», я бы совѣтовалъ вамъ писать: «буржуазія всѣхъ странъ, соединяйся», такъ какъ весь смыслъ вашей газеты противорѣчитъ рабочему и крестьянскому классу. Я открыто скажу, что вы—человѣкъ, продавшій свою совѣсть капиталу. Прошу, товарищъ, васъ обратить вниманіе на то, что за вами никто не пойдетъ, кромѣ буржуазіи.

Я говорю открыто и смѣло.

Матросъ Балт. фл. Степанъ *Кокотько*.

24 апрѣля с. г.

г. Ревель».

Когда я выпустилъ «Наши разногласія», тогда даже въ средѣ образованныхъ людей встрѣчалось съ довѣріемъ то мнѣніе, что я продался правительству. Теперь меня считаютъ продажнымъ только очень темные люди. Изъ этого слѣдуетъ, что Россія все-таки подвигается впередъ, хотя и не съ такой быстротой, какая была бы желательна.

(«Единство» № 31, отъ 5 мая 1917 г.).

Немножко логики!

«Извѣстія Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ (№ 58) сообщаютъ мнѣніе, пріѣхавшаго въ Стокгольмъ черезъ Германію П. Б. Аксельрода о нынѣшней войнѣ, изложенное имъ въ бесѣдѣ съ сотрудниками газетъ.

Оказывается, что П. Б. Аксельродъ рѣшительно отвергаетъ мысль объ отдѣльномъ мирѣ Россіи съ центральными монархіями. Такой миръ явился бы, по его мнѣнію, «тѣмъ, въ чемъ обвинялся царизмъ, т. е. позорной измѣной, раздавленнымъ Германіей Франціи, Бельгіи, Румыніи и Сербіи, вообще всѣмъ, кто волею судебъ связанъ извѣстнаго рода круговою порукой въ общей борьбѣ противъ поработительныхъ стремленій Германіи».

Подобная измѣна подорвала бы довѣріе къ пролетаріату. Кромѣ того, она отвела бы правительству,—т. е., очевидно, нашему Временному Правительству, какъ оно существовало до нынѣшняго кризиса,—революціонную роль, а намъ, сторонникамъ пролетаріата, реакціонную, потому что «всякая, даже малѣйшая, побѣда Германіи оказалась бы побѣдой полуабсолютической страны надъ революціонной, въ частности дала бы германскому правительству орудіе борьбы противъ лѣвыхъ соціалъ-демократовъ».

П. Б. Аксельродъ рѣшительно осуждаетъ многія дѣйствія англійскаго и французскаго правительствъ. Тѣмъ не менѣе, онъ находитъ, что нельзя закрывать глаза на высокую демократическую культуру Англіи и Франціи.

Все это совершенно справедливо. Но далѣе П. Б. Аксельродъ высказываетъ мысли, которыя плохо вяжутся съ предыдущимъ.

Онъ утверждаетъ, что первостепенной задачей революціонной демократіи является борьба за миръ. Борьбу эту надо вести слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего необходимо «требовать отъ правительства,

чтобы оно энергично добивалось общаго согласія союзниковъ на открытіе мирныхъ переговоровъ или заключенія перемирія».

Что получилось бы, если бы указанная П. Б. Аксельродомъ первостепенная задача революціонной демократіи была рѣшена въ этомъ смыслѣ, то-есть, если бы наше правительство добилось отъ союзниковъ согласія на открытіе мирныхъ переговоровъ?

Получилось бы то, что обыкновенно получается, когда одна изъ борющихся сторонъ, *«раздавленная»* другой стороною, проситъ о мирѣ. Тогда окончательно выясняется, на чью сторону склонилась побѣда, и тогда страна-побѣдительница диктуетъ побѣжденной странѣ свои условія. Это ли желательно П. Б. Аксельроду? Хочетъ ли онъ, чтобы Франція, Бельгія, Румынія и т. д., *«раздавленныя* Германіей» (собственное выраженіе П. Б. Аксельрода), покорно склонились передъ побѣдительницей? Повидимому—нѣтъ. Вѣдь самъ же онъ говоритъ, что всякая, даже малѣйшая, побѣда Германіи была бы побѣдой надъ демократіей и революціей. А если такъ, то зачѣмъ же добиваться начатія мирныхъ переговоровъ? Странно! Очень странно!

Въ головѣ П. Б. Аксельрода странность эта разрѣшается съ помощью вотъ какой оговорки:

«Для этого (т. е. вѣроятно, для того, чтобы можно было, начавъ переговоры, предупредить окончательное торжество Германіи надъ *«раздавленными»* ею Франціей, Бельгіей и т. д.), нужно организовать широкое международное давленіе пролетарскихъ массъ на всѣ правительства. П. Б. Аксельродъ подчеркиваетъ слово: *международное*. «Давленіе,—замѣчаетъ онъ,— должно производиться во всѣхъ воюющихъ странахъ».

Хорошо. Предположимъ, что «давленіе» производится во всѣхъ воюющихъ странахъ. Каковъ будетъ его результатъ въ каждой отдѣльной странѣ? Этого съ точностью никто предсказать не можетъ. И ужъ ни въ какомъ случаѣ никто не можетъ поручиться за то, что «давленіе» поставитъ воюющія

стороны въ равныя условія, т. е., что Франція, Бельгія, Румынія и проч., уже не будутъ находиться въ положеніи государствъ, по собственному выраженію П. Б. Аксельрода, *раздавленныхъ Германіей*. А если за это никто поручиться не можетъ, то позволительно опасаться, что въ результатѣ *«давленія» раздавленныя* Германіей страны окажутся еще болѣе *раздавленными*. А если позволительно опасаться такого печальнаго исхода, то ясно, во-первыхъ, что начинать предлагаемую П. Б. Аксельродомъ агитацію за миръ значитъ соваться въ воду, не спросясь броду; во-вторыхъ, что сунувшись въ воду, не спросясь броду, *мы рискуемъ оказать гигантскую и совершенно незамѣнимую услугу тому самому милитаризму, съ которымъ хотимъ бороться;* въ-третьихъ, что оговорка, дѣлаемая Аксельродомъ, никакой трудности не устраняетъ.

Пойдемъ дальше. «Аксельродъ считаетъ,—читаемъ мы въ «Извѣстіяхъ»,—самымъ правильнымъ, чтобы русскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, къ голосу котораго теперь прислушивается весь міръ, совмѣстно со всѣми центральными организаціями русскихъ соціалистическихъ партій, принялъ на себя иниціативу созданія спеціальной комиссіи въ какой-нибудь изъ нейтральныхъ странъ для сношеній со всѣми соціалистическими партіями, какъ союзныхъ, такъ и враждебныхъ странъ».

Если бы «русскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ» сдѣлалъ такой шагъ, то шагъ этотъ былъ бы понятъ нашей арміей, какъ начало мирныхъ переговоровъ, что еще больше ослабило бы ея,—и безъ того уже не очень большую,—силу сопротивленія непріятелю. Это равнялось бы сепаратному миру. Пользуясь имъ, нѣмцы перебросили бы на свой западный фронтъ силы, еще болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя переброшены ими въ настоящее время, и тогда стала бы вѣроятной не *«малѣйшая»* только, а очень большая побѣда Германіи на указанномъ фронтѣ. Едва ли не излишне прибавлять, что такая побѣда *непремѣнно повела бы за собою всѣ тѣ крайне печальныя для демократіи*

послѣдствія, которыя весьма недурно характеризовалъ самъ П. Б. Аксельродъ (см. выше).

Въ томъ, что я говорю теперь, нѣтъ ровно ничего новаго. Я говорилъ это, возражая Дом. Ньювенгайсу, на цюрихскомъ международномъ съѣздѣ 1893 года. Тогда П. Б. Аксельродъ находилъ мои доводы убѣдительными. Теперь онъ самъ разсуждаетъ, какъ Д. Ньювенгайсъ. Что-жъ! Давно ужъ сказано, что времена мѣняются, и мы мѣняемся въ оныхъ. Но все-таки не мѣшало бы хоть немного принимать во вниманіе требованія логики.

(«Единство» № 32, отъ 6 мая 1917 г.).

Декларація новаго правительства.

Итакъ, свершилось! То, что дней десять тому назадъ большинству нашихъ соціалистовъ представлялось мѣрой, весьма вредной для революціи, стало фактомъ: мы имѣемъ коалиціонное Временное Правительство, въ составъ котораго входятъ пять соціалистовъ. Въ нашей соціалистической средѣ до сихъ поръ есть чудаки, считающіе такое правительство «чѣмъ-то совершенно недопустимымъ». Но русская общественная жизнь прошла мимо этихъ Симеоновъ столпниковъ плохо перевареннаго ученія, окончательно вступивъ на ту дорогу, на которую, съ самаго начала революціи, толкала ее внутренняя логика ея собственнаго развитія. Будемъ надѣяться, что она уже не покинетъ этой дороги.

Всякое коалиціонное правительство возникаетъ, какъ результатъ взаимныхъ уступокъ. Взаимныя уступки выражаются въ болѣе или менѣе длинномъ рядѣ формулъ, совокупность которыхъ опредѣляетъ собою физіономію новой власти.

Такой рядъ формулъ находимъ мы и въ декларацiи нынѣшняго нашего Временнаго Правительства.

Самой интересной изъ нихъ, по обстоятельствамъ нынѣшняго времени, является формула, вошедшая въ первый параграфъ декларацiи. Она гласитъ:

«Во внѣшней политикѣ Временное Правительство, отвергая въ согласiи со всѣмъ народомъ всякую мысль о сепаратномъ мирѣ, открыто ставитъ своею цѣлью скорѣйшее достиженiе всеобщаго мира, не имѣющаго своей задачей ни господства надъ другими народами, ни отнятiя у нихъ нацiональнаго ихъ достоянiя, ни насильственнаго захвата чужихъ территорiй,— мира безъ аннексiй и контрибуцiй, на началахъ самоопредѣленiя народовъ. Въ твердой увѣренности, что съ паденiемъ въ Россiи царскаго режима и утвержденiемъ демократическихъ началъ во внутренней и внѣшней политикѣ для союзныхъ демократiй создался новый факторъ стремленiй къ прочному миру и братству народовъ, Временное Правительство предприметъ подготовительные шаги къ соглашенiю съ союзниками на основѣ декларацiи Временнаго Правительства 27 марта».

Это очень хорошо. Однако, въ ожиданiи подготовительныхъ шаговъ на основѣ декларацiи 27 марта, нашему обновленному правительству слѣдовало бы выражаться точнѣе.

Мы уже не разъ обращали вниманiе читателей «Единства» на то, что понятiе: *«миръ безъ аннексiй и контрибуцiй»* отнюдь не покрываетъ собою понятiя: *«миръ на началахъ самоопредѣленiя народовъ»*. Если та часть Арменiи, которая входитъ теперь въ составъ турецкой имперiи, пожелаетъ отдѣлиться отъ нея и примкнуть къ освободившейся отъ царизма Россiи, то какъ отнесется къ этому наше революцiонное правительство? Формула: *«миръ на началахъ свободнаго самоопредѣленiя народовъ»* отвѣчаетъ: *«мы и наши союзники должны поддержать это стремленiе турецкихъ армянъ»*. Наоборотъ, формула *«Миръ безъ аннексiй и контрибуцiй»* побуждаетъ насъ осудить это стремленiе, которое, будучи осуществлено, означало бы

«аннексію» [1]) свободной Россіей нѣкоторой части земель, до тѣхъ поръ принадлежавшихъ деспотической Турціи. Какъ же разрѣшить это противорѣчіе? Декларація обновленнаго правительства молчитъ объ этомъ, какъ рыба. А между тѣмъ, не отвѣтивъ на этотъ вопросъ, нельзя и предпринимать подготовительныхъ шаговъ къ соглашенію съ союзниками, такъ какъ эти послѣдніе непремѣнно потребуютъ отъ нашихъ дипломатовъ болѣе точнаго опредѣленія понятій. Да, что я говорю: *потребуютъ*. Англія *уже потребовала* устами одного изъ самыхъ видныхъ своихъ политическихъ дѣятелей.

А «контрибуціи»! [2]) Германія такъ часто *обирала* и, въ концѣ-концовъ, такъ чисто *обобрала* непріятельскія земли, ею захваченныя, что если бы ей удалось заключить теперь «*миръ безъ контрибуцій*», то такой миръ на дѣлѣ равнялся бы *миру съ контрибуціями въ пользу Германіи.*

Стремится ли нынѣшнее наше правительство къ заключенію подобнаго мира?

Если—да, то непонятно откуда взялось у него подобное стремленіе. Русскій народъ совершилъ революцію вовсе не затѣмъ, чтобы такъ или иначе работать pour le roi de Prusse [3]).

Если—нѣтъ (а нужно надѣяться, что подобнаго желанія оно въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ), то ему надо прямо и громко сказать, что формула: «Миръ безъ аннексій и контрибуцій» *вовсе не исключаетъ уплаты Германіей военнаго вознагражденія въ пользу ограбленныхъ ею мѣстностей* [4]). И очень жаль, что оно не сказало этого въ своей деклараціи.

---

1) На русскій языкъ, которымъ слѣдовало бы, наконецъ, заговорить правительству *демократической*, не знающей иностранныхъ языковъ, Россіи,—слово „аннексія“ можетъ быть переведено словами: *присоединеніе чужихъ земель.*

2) По-русски слово „контрибуція“ значитъ—военное вознагражденіе.

3) Для прусскаго короля.

4) Одинъ публицистъ пришелъ къ той геніальной мысли, что такое вознагражденіе, должно быть уплачено нейтральными странами. Къ

Неужели этому помѣшало то обстоятельство, что декларація должна была явиться плодомъ взаимныхъ уступокъ? Но въ такомъ случаѣ, *кто же* требовалъ умолчанія о вознагражденіи странъ, разоренныхъ Германіей? Соціалисты? На какомъ основаніи? Подобное требованіе не можетъ быть согласовано ни съ одной разновидностью соціализма.

Второй параграфъ деклараціи написанъ гораздо лучше, нежели первый. Въ немъ говорится:

«Въ убѣжденіи, что пораженіе Россіи и ея союзниковъ не только явилось бы источникомъ величайшихъ бѣдствій народа, но и отодвинуло бы или сдѣлало невозможнымъ заключеніе всеобщаго мира на указанной выше основѣ, Временное Правительство твердо вѣритъ, что революціонная армія Россіи не допуститъ, чтобы германскія войска разгромили нашихъ союзниковъ на западѣ и обрушились всей силой своего оружія на насъ. Укрѣпленіе началъ демократизаціи арміи, организація и укрѣпленіе боевой силы ея, какъ въ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ дѣйствіяхъ, будутъ являться важнѣйшей задачей Временнаго Правительства».

Краткій смыслъ этой довольно длинной рѣчи сводится, во-первыхъ, къ тому, что *если мы хотимъ мира*, то должны непремѣнно *вести войну*, а во-вторыхъ—къ тому, что для успѣшнаго веденія войны намъ необходимо *перейти въ наступленіе*. Что правда, то правда! Война,—*съ переходомъ въ наступленіе*,—необходима теперь *именно* прежде всего *въ интересахъ мира*. Но если наше новое правительство ясно сознавало эту истину, принимаясь за составленіе своей деклараціи, то чрезвычайно жаль, что оно высказало ее лишь *послѣ* сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ заявленій своихъ о томъ, къ какому миру оно стремится. Если бы оно поставило ее на первое мѣсто своей деклараціи, то тѣмъ самымъ придало бы этой послѣдней несравненно болѣе стройный и мужественный характеръ. А главное—

сожалѣнію, онъ не разъяснилъ, можно ли принудить ихъ къ этому безъ войны. А войны онъ не любитъ.

его декларація не рисковала бы произвести на наше войско то, какъ нельзя болѣе ошибочное, впечатлѣніе, что теперь главное дѣло—миръ, а войну можно вести спустя рукава, только «отпихивая ь» отъ непріятеля и вовсе не переходя въ наступленіе. Если декларація дѣйствительно произведетъ на войско такое впечатлѣніе, то наше дѣло будетъ очень плохо: тогда станетъ вѣроятнымъ или даже неизбѣжнымъ пораженіе Россіи и ея союзниковъ, крайне печальныя послѣдствія котораго (*вплоть до невозможности заключенія мира на основѣ самоопредѣленія народовъ*) хорошо предусматриваются во второмъ параграфѣ деклараціи.

Въ собраніи, посвященномъ памяти А. И. Герцена, П. Н. Милюковъ отмѣтилъ большое историческое значеніе того факта, что въ составъ нашего правительства входятъ теперь *соціалисты*. Огромное значеніе этого факта неоспоримо. Однако, уже Марксъ и Энгельсъ показали, въ III-й главѣ «Манифеста коммунистической партіи», что въ соціализмѣ есть не мало *разновидностей*. И только будущее покажетъ намъ, *какой* соціализмъ вошелъ теперь во Временное Правительство: *утопическій, или иной...*

И это видно будетъ именно изъ того, *какое истолкованіе придадутъ вступившіе въ Правительство соціалисты первому параграфу его деклараціи.*

Было бы очень печально, если бы Россіи и ея союзникамъ пришлось расплачиваться за промахи утопической мысли.

Остальные параграфы правительственной деклараціи возраженій не вызываютъ. Всякій, кто не стремится ни къ реакціи, ни къ анархіи, согласится, что въ качествѣ гражданина демократической страны онъ нравственно обязанъ всѣми силами помогать новому правительству въ достиженіи такихъ цѣлей, какъ устраненіе хозяйственной разрухи, всесторонняя защита труда, переустройство финансовой системы на демократическихъ началахъ и т. д.

(«Единство» № 33, отъ 7 мая 1917 г.).

Изданія книгоиздательства „Единство“.

Г. В. Плехановъ: „Интернаціонализмъ и защита отечества“. Ц. 20 к.
Шарль Дюма: „Письмо французскаго соціалиста къ русскимъ революціонерамъ“. Ц. 15 к.
В. Раф. Чернышевъ: „Въ нашихъ военныхъ разногласіяхъ“. Ц. 20 к.
Его-же „Кто за свободу, тотъ за побѣду“. Ц. 15 к.
Его-же „Отношеніе соціалистовъ къ войнѣ“. Ц. 55 к.
Г. В. Плехановъ. „Гдѣ же правая сторона и гдѣ ортодоксія“. Ц. 20 к.
Н. Іорданскій. „Расколъ въ международномъ соціализмѣ“. (Циммервальдъ-Кинталь). Ц. 25.
Д-ръ Н. Васильевъ: „Спѣлые колосья“. Ц. 30. к.
П. Дневницкій: „Сербскіе соціалисты и война“. Ц. 35 к.
Его-же. „Чѣмъ грозитъ русскому народу побѣда Германіи“. Ц. 35 к.
В. Катинъ-Ярцевъ: „О задачахъ нашей революціи“. Ц. 20 к.
К. Маркса: „О профессіональныхъ союзахъ.“ Ц. 20 к.
С. В. Вознесенскій: „Рабочая и солдатская библіотечка“. Ц. 20 к.
Л. Дейчъ: „Какая намъ нужна республика.“ Ц. 15.
Г. В. Плехановъ: „Рѣчь, произнесенная на Московскомъ Совѣщаніи.“ Ц. 20 к.
Л. Аксельродъ (Ортодоксъ). Дѣйствительность и идеалогія. Ц. 1 р. 25. к.
Л. Дейчъ: Баловень Судьбы. Ц. 1 р.

Изданія Маріи Малыхъ.

В. Н. Катинъ-Ярцевъ. „Демократическая республика“, Ц. 30 к,
Программа уставъ и резолюція партіи „Единство“ и статья **Г. В. Плеханова** „Наша тактика“. Ц. 15 к.
Г. В. Плехановъ: „Въ свободной Россіи“. Ц. 25 к.
Г. В. Плехановъ: „Война и миръ“. Ц. 40 к.
Г. В. Плехановъ: „Тезисы Ленина и о томъ, почему бредъ бываетъ подчасъ интересенъ“. Ц. 10 к.
Г. Алексинскій: „Во имя соціализма“. Ц. 30 к.
Д-ръ Н. Васильевъ: „Открытое письмо къ товарищамъ рабочимъ“. Ц. 15 к.
Его-же. „60 лѣтъ борьбы за 8-ми часовой рабочій день“. Ц. 30 к.
Объ Интернаціоналѣ (статьи В. Плеханова, Э. Вандервельде, В. Рафаилова). Ц. 10 к.
Л. Доброправовъ. „Гарь и копоть“. (О ленинцахъ, подленинцахъ и другихъ знаменитостяхъ). Ц. 40. к.
Абель. „Всеобщая трудовая повинность.“ Ц. 35 к.
Т. Алексинская. „Женщина въ войнѣ и революціи“. Ц. 15 к.
Г. А. Алексинскій. „Въ защиту офицеровъ“, Ц. 30 к.
Его-же. „Что же теперь дѣлать“. (Послѣ взятія Риги). Ц. 15 к.
В. Либкнехтъ. „О коммунѣ 1871 года. Ц. 15 к.“

